

Андрей Ананов

ДВА ТУЗА В ПРИКУПЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Этим заметкам вряд ли суждено было появиться на свет. И хотя моя жизнь достаточно острая, с большим количеством всяческих случаев и историй, но одно дело -- пережить их, запомнить, а другое -- описать. Тут и талант нужен, да и просто элементарная привычка регулярно садиться за стол и переносить свои мысли на бумагу. И если хороших рассказчиков я встречал в своей жизни немало, то далеко не каждый из них мог что-либо из блестяще рассказанного ими записать...

Однако появлению этой книги на свет помог случай. Это было в середине 90-х годов. Тогда я «вошел в моду», от журналистов не было отбоя, в России и на Западе много писали о «новом Фаберже» из Петербурга. Начали приходить и кинорежиссеры с предложениями снять о моей жизни и работе фильм.

Будучи сам профессиональным актером и режиссером, с большим опытом практической работы в театре и кино, я прекрасно представлял себе все трудности и проблемы, связанные со съемками будущего фильма. И кроме времени, которого у меня всегда не хватало, были еще две главные проблемы, которые предстояло решить кинорежиссерам, приходившим ко мне с предложениями о съемках. Это -- *на что* снимать, то есть на какие деньги, и *о чем*, то есть сценарий.

Я принципиально никогда в жизни не заплатил за свою рекламу, статьи в газетах и журналах, фотографии ювелирных изделий в крупнейших мировых изданиях, материалы на радио и телевидении -- ни одной копейки...

Во-первых, потому, что этих «лишних» денег никогда не было. Они всегда уходили на более необходимое: покупку драгметалла и камней, выплату зарплаты моим сотрудникам.

Во-вторых, потому, что покупать прессу для меня, очень тщеславного, кстати, человека, это все равно что покупать за деньги любовь. И это -- унижительно. Это означает, что каждый, кто заплатит, будет обладать или хвалебной статьей, или красивой женщиной. И мое самолюбие мне этого не позволяло.

Помню один случай в Италии, в 1992 году. Тогда я получил в Генуе Большую Золотую Европейскую медаль за выставку ювелирных изделий, показанную к 500-летию Христофора Колумба. Мой приятель, француз, не расстававшийся с фото- и кинокамерой и снимавший знаменитостей, присутствовавших на заключительном вечере вручения наград, сказал мне:

-- Иди, встань рядом вот с тем артистом. Это... -- И назвал какую-то громкую фамилию. -- Я сделаю тебе фотографию.

Я улыбнулся и ответил:

-- Подожду, пока другие будут считать за честь встать рядом со мной...

Я ждал несколько лет. И дождался.

Так вот, несколько кинорежиссеров предлагали снять фильм обо мне и на мои же деньги. И сразу получали отказ. К тому же их предложения никогда не казались мне серьезными. Так продолжалось до тех пор, пока на горизонте не появился талантливый кинодокументалист Миша Михеев. Он покорила меня сразу двумя очень сильными аргументами -- наличием у него денег Госкино,

отпущенных специально под его творческую заявку о фильме про меня, и своей мягкой интеллигентностью.

Итак, проблема финансов была решена. Оставались еще две -- мое время, занятое работой до предела, и наличие сценария, а точнее, как выражаются режиссеры, «хода». На мой вопрос об этом Михеев заверил, что опытный сценарист у него есть.

На следующий день появился сценарист. Поговорив со мной минут десять, он торжественно заявил: «Все ясно». И достал из кармана пачку карточек точь-в-точь как в библиотеке. Разложив их в специальном порядке на столе, он жестом фокусника снял с них воображаемое покрывало и произнес:

-- Вот наш фильм.

Его манипуляции напомнили мне стихи Сергея Михалкова:

*...Поэт Аркадий Деловой
в своей домашней кладовой...*

Как выяснилось, первая карточка содержала начало фильма. ...Андрей Ананов на воздушном шаре летит над Петербургом...

Кстати, фамилия сценариста как нельзя более точно соответствовала его продукции...

Узнав содержание еще нескольких «пирожков», я сказал:

-- Все. Пирожков, ты свободен.

Оскорбленный сценарист собрал свой пасьянс и бросил через плечо, уходя:

-- Сами пишите.

Я ничего не ответил, но вызов принял.

До тех пор я никогда и ничего в своей жизни не писал, кроме сочинений на вступительных экзаменах в университет и Театральный институт да длинных писем первой жене. В театре, правда, приходилось писать инсценировки по роману В. Шукшина «Брат мой». Но это была совсем другая работа, где не было ни слова своего текста, где основой служила великолепная литература.

В то время я каждые две недели летал в Париж. Три часа в воздухе, совершенное одиночество, ничто не отвлекает, не звонит телефон... И часы тянутся страшно медленно.

В один из полетов я решился. Разорвал на листики белый гигиенический пакет, так как другой бумаги под рукой не оказалось, и начал писать. Я не знал точно, что я пишу -- сценарий, рассказ из жизни, воспоминания. Я знал точно только одно -- настроение, мелодию так сказать, своей писанины. И еще -- я точно знал, о чем я пишу. И для чего.

Одним духом я написал по пути в Париж историю, вошедшую в эту книгу под названием «Обыск», а на обратном пути -- воспоминания о детстве.

Прилетев, я вызвал Михеева и Пирожкова, усадил их в гостиной и прочитал написанное.

После паузы Пирожков ушел, грустно сказав:

-- Я вам не нужен.

А Михеев поднялся и сказал:

-- Завтра -- первый съемочный день.

Так появился на свет фильм «...Мой отец говорил мне...», тактично снятый Михеевым, который чутко уловил в тот первый вечер интонацию и мелодику изложения. В титрах значилось: «По мотивам книги А. Ананова».

Но никакой книги на самом деле не было. Ее только предстояло создать. На это ушло еще два года. Она писалась урывками, в самолете, редко -- дома, во время коротких передышек между работой.

Ее можно было бы писать нескончаемо долго. Потому что вся моя жизнь -- это бесконечная цепь интересных историй, из которых некоторым пока не суждено появиться на бумаге.

Но все должно иметь свой конец. Поэтому, написав то, что вы видите, дорогой читатель, я поставил точку.

Хотя, может быть, это не точка, а многоточие...

СЛУЧАЙ НА ШОССЕ

Только-только начинало светать. Моросил нудный, противный мелкий дождь, лобовое стекло постоянно запотевало. Но в машине было тепло и уютно, тихо играла музыка.

В машине ехали двое. Он и она. Они молчали, барабанил дождь, поскрипывали «дворники», пел Джо Дассен. Им было хорошо.

Вдали уже показались очертания Таллина, массивный профиль гостиницы «Виру» служил водителю ориентиром. Там ждал их хороший номер, широкая кровать, горячая ванна и сутки забытья и любви.

На обочине шоссе замаячили силуэты. Отчаянно голосуя, размахивая руками, просились в машину два молодых человека, лет восемнадцати-девятнадцати на вид, промокшие до нитки, озябшие и несчастные. Водитель притормозил.

Юноши ввалились на заднее сиденье, захлопнули дверцу. Машина тронулась.

Тихо играла музыка. Никто не произнес ни слова. Ни «спасибо», ни адреса, куда ехать, ни вопроса, куда же вообще едут эти двое, мужчина лет тридцати и девушка, тонкая и изящная, сидевшая рядом.

Вдруг он услышал донесшееся сзади характерное бульканье. Запахло дешевым портвейном, потом окно открылось и бутылка со звоном разбилась об асфальт. Щелкнула зажигалка, тяжелый дух дешевых сигарет пополз по салону.

-- Во-первых, надо было сначала поздороваться. Во-вторых -- спросить разрешения, а потом уже хлебать. В-третьих, выкиньте вашу махорку и возьмите «Мальборо». -- Он, не оборачиваясь, протянул им пачку.

Сзади хихикнули.

-- Езжай, мастер, -- коротко приказал голос с эстонским акцентом, и чья-то рука прилепнула ко лбу водителя червонец.

Тормоза взвизгнули. Машина резко остановилась на темном шоссе.

Водитель выскочил, на ходу вытягивая из-под сиденья тяжелую монтировку.

-- Оба -- вон, -- приказал коротко. Его взбешенное лицо было, видимо, очень красноречиво.

Пассажиры защелкнули кнопки задних дверей.

Перегнувшись через переднее сиденье, он схватил ближнего за воротник и рванул на себя, выволакивая из машины.

И тут же получил удар в живот чем-то тонким и длинным.

Монтировка, описав круг, со страшной силой прошла мимо головы нападавшего, раздробив ключицу.

В это время из машины уже выскочил второй. Снова в живот водителя вонзилось что-то тонкое и длинное. И снова единственное оружие шоферов -- монтировка -- пронеслась над головой парня, ударив, на его счастье, сбоку, плашмя. Нападавший заорал от боли, прижимая к голове полуотрубленное ухо. Раздался треск, и оба исчезли в кустах.

(Ирония судьбы, но вскоре они окажутся в одной больнице, только те двое -- как выяснилось, находившиеся в розыске -- за решеткой, а он в общей палате, у окна.)

Водитель прыгнул за руль, еще не придя в себя от дикого азарта драки, не чувствуя боли, сердце с трудом выталкивало густую кровь, кипевшую от избытка адреналина.

Немного успокоившись, он сунул руку под рубашку. Пальцам стало тепло и липко.

Попутчица с ужасом смотрела блестящими от страха глазами на окровавленную руку, сжимавшую баранку.

Кровь капала по ноге в резиновый коврик -- пока доехали, полковника натекло.

Водитель поднялся по ступеням гостиницы «Виру», вошел в холл и потерял сознание.

* * *

Он умирал в дальнем углу огромной больничной палаты, у окна.

Яркая луна освещала неоновым светом спинку кровати, тумбочку, графин, стоявший у изголовья, белый больничный стул с повисшим на нем халатом. Один рукав нелепо задрался кверху, как рука утопающего.

Эти предметы отбрасывали длинные тени, и стоило закрыть глаза -- они немедленно превращались в фантастические, безобразные и зловещие фигуры, плод воспаленного воображения.

Тумбочка становилась огромным стальным чудовищем и со страшным скрежетом ехала и давила его. Графин выростал до гигантских размеров, стенки покрывались крупными трещинами, со звоном осыпались, и он, сверкая обломками-зубами, все шире и шире разверзал свою обоюдоострую пасть, словно намереваясь изрезать и поглотить человека, лежавшего на койке в углу палаты.

С трудом заставляя себя очнуться, он усилием воли открывал глаза, и предметы немедленно принимали свои первоначальные очертания. Затем глаза снова закатывались, отказываясь подчиняться воле человека, и кошмар продолжался.

Он давно уже оторвал ставший ненужным шнурок звонка. Медсестра, пришедшая на вызов лишь однажды, сказала равнодушно, с сильным эстонским акцентом:

-- Токтор уколоф телать не фелел, фы толжны спать то утра.

Больше она не приходила.

Он пролежал всю субботу, ночь с субботы на воскресенье, все воскресенье и сейчас умирал, как потом выяснится -- от перитонита, в ночь с воскресенья на понедельник. Медики были выходные. Дежурный врач не понял, что маленькие дырочки, сделанные в животе длинным и тонким кнопочным ножом, заканчивались в воспалившемся, прорезанном кишечнике.

-- Токтор уколоф телать не фелел...

-- Возьми же деньги, сука, там две тысячи...

-- Токтор не фелел...

Сосед по койке, тоже эстонец, что-то недовольно пробурчал на своем шипящем языке, разбуженный стонами умирающего от нестерпимой боли человека.

-- Сволочь... -- заскрипел зубами раненый.

Вот и все.

Уже несколько раз он погружался в жидкий кошмар бреда, чувствуя снова и снова дикий животный ужас, парализовавший весь организм, мозг и тело, ужас, который не поддается описанию и пережить который, наверное, все равно что пережить свою смерть.

<<Не выбраться мне больше из этого кошмара...>> -- с тоской подумал он. И в памяти -- со свистом, как киноплёнка во время перемотки -- вдруг пронеслась вся его прошлая жизнь, вернее, только ее лучшая, приятная и теплая часть. На секунду ему стало не страшно умирать, он понял, что много видел и много пережил. И иногда был счастлив.

Он закрыл глаза, но вместо кошмара, которого ожидал, внезапно почувствовал, как на его мокрый лоб легла чья-то сухая, приятная и невесомая рука.

И все вдруг уплыло куда-то.

Луна погасла.

Он умер.

Опустилась темнота. И только ослепительные линии света, как падающие звезды, пронизывали ее стремительно, в невероятных направлениях -- сверху, снизу, сбоку и еще откуда-то.

Вдали забрезжил свет, как будто открыли дверь в конце коридора в его старой квартире, на Литейном, в Ленинграде.

-- Немедленно на стол, -- сказал кто-то.

* * *

Тихие ангелы неслышно шелестели рядом. Он насчитал их шесть. Он лежал посередине огромного зала, в чистой белой рубашке, и зал был весь белый, и стены, и потолок.

Не было ни боли, ни ужаса, ни кошмарного бреда. Ничего. Он плавал как бы в теплой ванне, блаженствуя от наркотического беспамятства, наслаждаясь знакомым с детства ощущением, когда после раскаленного воздуха парилки мама окатывала его, маленького голого мальчика, прохладной водой из железного тазика.

Позже, став взрослым, он никогда не мог поймать такое же ощущение, стоя под холодным душем после сауны, как ни старался подобрать ту с детства запавшую в память температуру. Ощущение блаженства не повторялось.

Оно повторилось теперь, в тихом белоснежном зале, наполненном, как в раю, шелестящими крыльями ангелов.

Он очнулся в реанимации.

* * *

Осунувшегося, небритого человека, только что вернувшегося с того света после двух с лишним минут клинической смерти, одетого в чистую больничную рубашку, звали Андрей Ананов. Ему было тридцать два года, он много уже успел повидать и прочувствовать, жил азартно и рискованно, любил эту жизнь, и ему тут же захотелось шампанского и хорошую сигарету.

Молоденькая медсестра, одна из тех шести, кого он давеча принял за ангелов, краснея, сунула ему украдкой сигарету из его же красивой пачки с надписью «Мальборо».

-- Шампанского вам нельзя.

Он затаился жадно, голова закружилась, стало нехорошо.

-- Я сделаю вам укол, и будете спать, -- сказала медсестра и нежно -- профессионально и незаметно -- ввела содержимое небольшого шприца.

Мощный прилив чего-то теплого накрыл его с головой, и он снова улетел в небытие.

А потом он снова очнулся и провел четыре незабываемых дня в реанимационной палате Таллинской больницы скорой помощи, только что построенной -- новенькой, чистой и опрятной. На седьмой день после тяжелой полостной операции он уже спал с молоденькой, часто краснеющей медсестрой, которую запомнил на всю жизнь, хотя имя ее и не сохранилось в памяти, а на десятый день молоденькая медсестра провожала его с цветами до приемного покоя, где сидела с цветами его жена, красивая верная женщина с красивыми и чистыми глазами.

-- Сегодня мы переночуем в «Виру», ты отдохнешь, а завтра я помогу тебе и мы самолетом доберемся до Ленинграда. Машину заберешь потом.

Покачиваясь от слабости, еще не пришедший в себя, похудевший на одиннадцать килограммов, он обнял ее за плечи и сказал :

-- Сегодня мы ужинаем в <<Варьете>>, завтра ты улетаешь домой, а я уезжаю на машине в Ригу.

Жена только вздохнула. Она знала, что все равно будет так, как скажет он.

Перетянутый под рубашкой широким бандажом, шов вел себя спокойно, только немного побаливал низ шва, разошедшийся в одну из ночей любви с молодой медсестрой, в ее чистенькой девичьей комнате больницы.

Утром он ехал в Ригу. Жизнь продолжалась.

Он ехал неспешно и думал о случившемся, о своей сумасшедшей жизни, о медсестре, о своем фантастическом везении, о недавно погибшем отце, о друзьях, поджидающих его в Риге, о своей грустной и счастливой жизни и решил, что обо всем этом хорошо бы когда-нибудь написать книгу.

Но это -- когда-нибудь. А сейчас -- некогда.

Сейчас просто хотелось жить.

ОБЫСК

Все было рассчитано заранее, до последней мелочи.

Вот раздастся стук в дверь. Вернее, сначала звонок. Но звонок общий, для чужих. Свои же знают потайную кнопку другого звонка. И вообще, своих мало и приходят они редко. Поэтому чужой звонок -- это уже тревога.

Если звонок (чужой) звонит робко, коротко, то это скорее всего кто-то ошибся дверью. Ментовские звонки совсем другие -- длинные, по-хозяйски уверенные.

Тут надо затаиться. Не шуметь, проверить, плотно ли закрыты тяжелые бархатные шторы на окнах, никогда не пропускавшие дневного света в квартиру, а на улицу -- электрического. Редкий вид штор, выгорающих с обеих сторон.

На всякий случай погасив свет, можно посмотреть в узкую щель между шторами. Тот, кто вошел в подъезд не прячась, так из него и выйдет. И его можно будет узнать. Или запомнить. Или окликнуть из окна.

Если просто кто-то ошибся дверью, то, позвонив один-два раза, уйдет. Долго же могут звонить только менты, воры или бандиты (что не одно и то же) или служащие ЖЭКа -- водопроводчики, электрики. Однако последним в этой квартире делать нечего -- хозяин все умеет делать сам. Был случай, когда ни один сантехник не брался установить новый, современный шведский <<Компакт>>. Все уверяли в один голос, что это невозможно из-за небольших размеров туалета и из-за иной системы подключения слива к фановой трубе. <<Компакт>> год простоял на балконе. Однажды жэковский сантехник взялся за замену и был допущен в квартиру. В мгновение он снял старый унитаз, обнял его, как ребенка, и унес из квартиры, обещав вернуться вскорости с какой-то необходимой железкой. Так продолжалось два дня. Вначале мы терпели, потом ходили к соседям. На третий день я плюнул. Вытащил с балкона <<Компакт>>, приставил, подумал и из старой автомобильной камеры, засунув внутрь специально навитую стальную пружину, получил гибкое и удобное сочленение. Вся работа была закончена за час, и стоит этот <<Компакт>> и по сей день, вот уже одиннадцать лет, и прекрасно сливает воду.

Значит, электриков и сантехников, а также газовщиков нам не надо. У нас газа нет. У нас электроплита. Воры же -- дело другое. Но с ними не сложно.

Ныне перевелись воры, жившие по воровским законам, профессионалы, открывающие любой замок дамской шпилькой, «медвежатники», в пять минут справляющиеся отмычками с любым сейфом повышенной сложности. Последний остался, по фамилии Дубовик, -- старый работник органов КГБ. Не один домашний сейф вскрыл он на обысках, не испортив содержимого. Но очень капризный господин, болеет часто, да и пьет много. Иначе цены бы ему не было.

Итак, теперь воры стали значительно менее профессиональны, кстати, как и их ловители, менты. И те и другие действуют грубо, нагло: одни выламывают двери ломом, другие выколачивают показания дубинкой. В общем, и те и другие на уровне.

Но мою дверь ломом не возьмешь. Она стальная, в стальной коробке. Ее надо рвать взрывчаткой. И замки сделаны с умом. Простые, как апельсин, и одновременно неожиданные в своей простоте.

У входа в квартиру, изнутри, всегда лежит наготове газовый пистолет, прибор электрошока. Предположим, пришел ты домой, подошел к входной двери, а сзади тебе в спину ствол -- «тихо, без шума, открывай!». Так вот, открыв первую дверь ключами, можно, открывая вторую, исхитриться и, резко присев, ткнуть гостя электрошоком. Его отбросит метра на два. А после можно уже и газом стрельнуть, для большего эффекта. И дверь захлопнуть.

Разница между ворами и бандитами такова: воры стараются прийти в отсутствие хозяев, а бандиты -- в присутствии. Воры роются, ищут у вас ценности, а бандиты пьют кофе и ждут, когда ты сам все принесешь -- с паяльником в анальном отверстии.

Бандиты могут попытаться войти среди бела дня под видом почтальона. Могут украсть ребенка -- если ребенок гуляет во дворе без присмотра, -- чтобы затем требовать с вас выкуп. Для бандитов всегда наготове заряженное медвежьей пулей охотничье двуствольное ружье, с официальным разрешением на его хранение, а теперь уже и пистолет «ПМ», выданный с персонального разрешения министра внутренних дел.

И если что, то кровь закипает быстро, а навыки автогонщика позволят сориентироваться мгновенно. Не приходите, господа бандюги. Здесь могут убить.

Профессия ювелира-подпольщика приучает к аккуратности. Все должно лежать на своих местах, в коробочках и ящичках, компактно -- все должно быть под рукой. Так удобнее и для работы, и для обыска. Ведь за обыском следует изъятие, и коробочки должны быть пронумерованы, чтобы удобнее было делать опись. Там, в Комитете, потом разберутся, что в какой коробочке лежит, и могут отдать в таком же порядке.

Обидно все-таки -- всю жизнь собирал, обрабатывал мелкие камни, гранит; покупал, доставал (непереводимое русское слово, означающее, что покупал то, что не продается) инструмент, всякие мелкие боры, сверла, фрезы.

Опилки и кусочки золота и серебра должны лежать отдельно, каждые строго по своей пробе. И обязательно магазинного происхождения, не ворованные с завода и не переплавленные из технического металла. За это всегда давали много, по ст. 88 -- от шести до пятнадцати лет. А в особо крупных размерах -- до <<вышки>>. А какие они, особо крупные, -- никто не знает...

Одни говорят - свыше десяти тысяч*, другие -- свыше ста. Хорошо знает один прокурор -- это смотря какое настроение у него будет.

С бриллиантами разговор особый. Если камни «голые», без оправы, то могут опять-таки натянуть 88-ю: голый камень -- это валюта. А камень в оправе -- это изделие. За него 88-я не полагается.

Если ты работаешь на дому, принимаешь заказы от клиентов из их материала -- золота и камней, то это самая легкая статья -- «незаконный промысел». По ней могут дать не больше трех лет. Это по последней части. А до этого -- порицание, штраф, условное осуждение. Но в любом случае обязательно с конфискацией орудий незаконного промысла. Поэтому инструменты и материалы и должны лежать на своих местах и в полной аккуратности. И ты должен быть готов к самому худшему каждую минуту, каждый час днем или ночью.

* * *

Мой отец, умница и честнейший человек -- прошедший всю войну 1941--1945 годов в звании старшего сержанта и ставший после войны профессором математики, не обманувший в своей жизни ни одного человека, странным образом сочетавший в себе глубокую научную проницательность с детской наивной верой в добро, -- говорил мне время от времени фразы. Одна из них была: «Смысл жизни в том, чтобы ждать и надеяться». Другая: «Жизнь никогда не забывает закрыть одну дверь прежде, чем открыть другую». И еще: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Он, кстати, так и умер.

* В ценах 1993 года.

Стоя. Спрыгнув с крыши одиннадцатизэтажного дома и приземлившись ногами на козырек парадной. И наверное, в следующей своей жизни он никогда не испытает ту вопиющую несправедливость, которая толкнула его в пустоту.

* * *

Я решил, что лучше умереть стоя. Точнее, сидя. За рабочим столом ювелира. Совесть моя всегда была чиста. Никогда в жизни я не присвоил ни кусочка золота, полученного от своих клиентов. Во всем мире ювелиров уважали, а в нашей системе -- сажали. Ну что ж, решил я, это не мои проблемы. Это проблемы системы. Затем я занялся простой арифметикой. В то время я еще работал режиссером в драматическом театре. Моя зарплата составляла сто пятьдесят рублей в месяц, на эти деньги можно было кое-как прожить, откладывая по десять-двадцать рублей в месяц на заветный автомобиль.

Машина стоила в то время около семи с половиной тысяч. Получается, что если так откладывать, то машину через тридцать лет купить вполне реально.

Работая руками по вечерам, ночами и в выходные дни, я мог заработать до пяти тысяч. В год это шестьдесят тысяч. За три года -- сто восемьдесят. Так что мои будущие три года отсидки вполне окупаются. И совесть чиста. А главное -- я люблю эту работу. Я приношу людям радость. Я свободен, как ветер, -- ни тебе худсоветов, ни райкома, ни обкома. Не голосует гегемон, какое изделие тебе делать, не выступает, как на худсовете в театре, рабочий Кировского завода, выучивший в совершенстве только один язык -- матерный, и не учит тебя, как ставить спектакли и как делать серьги. И наконец, можно будет купить себе заветный кожаный пиджак и джинсы и ходить в таком виде в театр, возбуждая общую зависть. Конечно, лучше умереть стоя! Но надо постараться не умирать.

* * *

Мы вышли из дому, сели в автомобиль. Но отъехать не успели. Едва автомобиль тронулся, жена сказала: «Смотри, ментовские морды, кого-то брать поехали...». Я увидел черную «Волгу», медленно въезжавшую в наш двор. Увидел и почувствовал, как толчками в кровь стал поступать адреналин. Я хорошо знаю это ощущение. Предчувствие борьбы. Наивысшая концентрация всех сил организма. Так бывало на крутых виражах, на льду, под дождем. Машина вот-вот выйдет из-под контроля, и единственное спасение -- если у двигателя еще остался запас мощности, если не до отказа вдавлена педаль газа. Иначе -- занос, кювет, и ты отброшен от финиша в хвост. Идущим сзади тебя, дышащим тебе в бампер.

Я медленно продолжал отъезжать. Тут трое мужчин в штатском, сидевшие в «Волге», увидели меня и остановились, перекрыв выезд из двора. Один из них открыл окно и спросил (вежливо так):

-- Андрей Георгиевич?

Ну вот и все. Приехали. Жена с ее звериным чутьем оказалась права. В голове с бешеной скоростью, намного быстрее, чем ускоренная промотка в видеоманитофоне, пронеслись мысли, одна другой тоскливее, и среди них: <<Это Комитет>>. Ключи от квартиры висят на общей связке, торчат из замка зажигания. В доме криминал -- пятьдесят карат мелких бриллиантов контрабандного привоза, израильские. Это -- 88-я. Выхода нет... Выхода нет... Выхода нет... Надо бороться... Надо что-то придумать... Сдаться никогда не поздно... Бежать некуда... Надо хитрить... Но как... Надо.

Я вышел из машины. Он вышел из своей.

Представился. Показал удостоверение. Майор КГБ по Одесской области. Почему по Одесской? Почему не свои?

-- Пройдемте к вам в квартиру, Андрей Георгиевич.

Я начал цепляться за соломинку:

-- Позвольте, но по какому праву? Я слышал, что в этих случаях предъявляют санкцию на обыск...

Майор сразу перестал быть вежливым:

-- Сядь в машину.

Я сел. Все, думаю. Не выйти мне из этой машины. Но жену не зовут. А у нее тоже ключи от квартиры. Она умная. Что-нибудь придумает. В машине майор достал из портфеля бумагу. «Постановление на производство изъятия...»

-- Позвольте, но здесь подписано не прокурором. Здесь подписано следователем прокуратуры.

-- Сейчас я привезу тебя в районное отделение милиции. Там тебе сделают личный досмотр, изымут ключи от квартиры. Все. Больше ты мне будешь не нужен. Мы обойдемся понятыми.

-- Но зачем же тогда везде пишут о санкции прокурора?

-- Это для милиции. А ты в КГБ. К тому же у нас есть право самостоятельных решений в экстренных случаях. Вплоть до взлома дверей и применения стрельбы на поражение. Соображаешь?

Я соображал. Соображал очень быстро. Я вообще хорошо соображаю. Но этот случай был первым, исключительным. Я понял, что их не надо злить. Что надо добром. Что сейчас начнется первая сцена спектакля, который я должен поставить и сам сыграть в нем главную роль. Как-никак, я профессионал. Актер и режиссер. Что ж меня, черт побери, зря учили, государственные денежки тратили?

-- Простите, товарищ майор. Сами понимаете, первый раз все-таки. Пойдемте, конечно.

-- Ну вот, другое дело! -- Майор опять заулыбался. Был он маленького роста, полноватый, годами не старше меня, а то и помоложе.

-- У тебя соседи по площадке дома? Понятых надо пригласить.

-- Пожалуйста, не берите соседей. Стыдно. Возьмите случайных прохожих...

-- Хорошо, -- смилостивился майор. И послал помощника за случайными прохожими. Вскоре появились двое.

-- Ну пошли. Стой, а где твоя жена?

Я глянул в сторону машины. Пусто. Моя жена медленно удалялась, отойдя уже порядочно. (Потом они будут восторгаться ее самообладанием.)

Жену догнали. Вернули. Так же медленно она подошла к нам. Как будто давала мне лишнее время для режиссуры.

Но лишнее время мне было уже не нужно. В тот момент, когда я сказал искренне (даже очень искренне): «Простите, товарищ майор», я уже придумал. Не все. Но первую картину спектакля придумал.

Семь человек вошли в подъезд. Занавес поднялся.

* * *

В квартиру я вошел первым. За мной майор. Затем жена. Двое других комитетчиков и понятые замыкали шествие. Прошли в крохотную прихожую, где и стоял мой рабочий стол, вернее, не стол даже, а секретер, опускающаяся крышка которого служила мне столом. Слева от секретера, в метре, -- дверь в туалет, справа -- в комнату. Посредине -- в кухню.

В этом секретере, на его полках и в нижнем его отделении, лежало все то, что я собирал и копил годами, -- все самое мое дорогое: мои инструменты, коробочки, футлярчики, приборчики, книги по ювелирному искусству и еще многое, многое другое, ценное и памятное разве только хозяину.

В этом же секретере, рядом с инструментами, отвертками и щипцами, и лежала та злополучная баночка из-под чертежных грифелей, в которой, свернувшись в тугую пружину, сидела сейчас, как джинн, моя 88-я. Пятьдесят карат голых мелких бриллиантов, контрабанда, -- моя свобода или тюрьма.

Я получил их недавно как плату за свою работу от одного подонка, который и сдал меня. Сдал, потому что знал, что мне не отвертеться, потому что у меня в доме -- ювелирные инструменты, голые бриллианты, потому что я достаточно известен как ювелир, потому что (и это главное) все свое барахло этот подонки у меня давно забрал.

Некоторое время я работал для него, но, почувствовав, что эта связь запахла криминалом, прекратил. Отказался от выгодной работы, но не смог отказаться от мелких бриллиантов, потому что для одних это -- улика, контрабанда, валюта, а для меня -- материал для моих изделий, без которого я не в силах создать тонкую, изящную и уникальную вещь. И вот сейчас эта коробочка -- эта мина замедленного действия должна разорваться. Запущен часовой механизм. И он тикает, тикает у меня в висках.

-- То, что вы ищете, -- здесь, -- сказал я и указал на секретера.

Мозг комитетчика, как мне казалось, должен был зарегистрировать мое признание как дезинформацию. Не зря Станиславский писал: «Играя злого, ищи, где он добрый». Переводя на милицейский язык: когда тебе показывают, ищи там, где не показывают.

В этом и заключался мой расчет. Правильно сыграв первую сцену, я мог получить немного отсрочки, немного больше времени протикал бы часовой механизм. За это время я должен был бы сыграть следующую сцену.

-- Ну, это мы оставим на сладкое. -- Майор улыбнулся мне, как родному. Знаю я, мол, вас, жуликов. И отошел от секретера -- пошел в кухню.

Другой комитетчик начал методично обыскивать комнату. Третий -- прихожую и вешалку с пальто.

Понятые топтались у них под ногами.

Жена сидела в кресле и молча взидала на это.

Я на кухне варил себе кофе. Предложил майору. Тот отказался. Я варил и думал: «Хоть кофе напоследок напьюсь».

Майор медленно обыскивал кухню, незаметно (как ему казалось) наблюдая за моей реакцией. Пересыпал сахар, копался в муке, в коробочках со специями.

Я пил кофе и решал режиссерскую задачу -- оправдать открывание секретера.

Есть в театре такое понятие -- оправдать переход на новую мизансцену. Например, если актер, ведущий на сцене диалог, вдруг вскочит, побежит в угол и вернется с пуговицей, которую он нашел на полу, то все станет понятно -- потерял человек пуговицу, вдруг увидел, побежал и поднял.

Это и называется <<оправдать переход>>.

Я сидел на кухне и мучительно искал повод для открывания секретера, искал способ для оправдания этого поступка.

Часовой механизм внутри меня тикал все громче.

Майор заканчивал обыск на кухне.

Вдруг я попросился в туалет. (Надо сказать, что мне в голову пришла одна идея. Но реализовать ее было настолько трудно, что я не очень верил в успех. Однако медлить больше было нельзя.)

Услышав мою просьбу, майор насторожился. Уши у него встали, как у овчарки. Он нюхом чувствовал добычу.

Вначале он тщательно обыскал меня. Затем, подумав, попросил принести домашнюю одежду. Обыскал мой спортивный костюм. Велел переодеться. Вещи, снятые с меня, завернул в узел, чтобы потом тщательно досмотреть в Комитете. Затем мы вместе пошли в туалет. Там он заглянул во все уголки, вытащил все доски и фанерки, по-хозяйски, на всякий случай, хранившиеся за унитазом, достал ершик для чистки, тщательно осмотрел.

Я стоял сзади, и во мне уже не тикало. Во мне ухало, бухало, стучало, гроыхало. Сейчас я приближался к кульминации своего спектакля. Сейчас

нужно правильно довести сцену до конца, до основного события. Этим событием должен стать мой легендарный шведский <<Компакт>> с лебедем на ручке, поднимающейся кверху. Даже и не весь <<Компакт>>, а только его ручка, да и не ручка вовсе, а маленький винтик, прикрепляющий ручку к оси. Потому что, только отвинтив этот винтик, <<Компакт>> можно разобрать. А для этого нужна отвертка. А отвертки у майора нет. Пистолет у него есть, удостоверение есть, а отвертки нет. И правильно. Ведь если каждый майор будет с отверткой ходить, то сколько же отверток понадобится! Майор в раздумье глядел на белоснежный <<Компакт>>. Видно было, он понимает -- это единственное, что он тут не осмотрел, но то ли лень было майору, то ли он не знал, как его разобрать.

Теряя надежду, я дерзнул его спровоцировать:

-- Ну что, можно уже?..

Майор решил:

-- А как эта штука разбирается?

Я сыграл замешательство.

Майор настаивал.

Я «раскололся»:

-- Тут маленький винтик в ручке. Нужно отвинтить. Потом все слезает, как с елки.

-- Отвинти.

Спасибо, Константин Сергеевич Станиславский. Спасибо, Изакин Абрамович Гриншпун. Вы научили меня оправдывать переходы. Разговаривая с майором и глядя ему в глаза, я открыл секретер и вслепую, только памятью и чутьем, нащупал маленькую коробочку. Зажал в ладони. Этой же рукой взял на ощупь отвертку. Отвинтил винтик.

Майор склонился над унитазом.

Я опустил коробочку в карман уже досмотренного спортивного костюма.

Спектакль был почти сыгран. Скоро можно выходить на поклон. Однако я ошибался. И как выяснилось позже, до поклона было еще далеко.

* * *

Наконец дошла очередь и до «сладкого». Майор и двое его помощников приступили к досмотру секретера.

На свет божий из его недр стали появляться коробочки, свертки, пакетики, баночки. Тут я уже оказался как бы в роли экскурсовода -- объяснял, что к чему и зачем, демонстрировал инструменты, хвастался настоящим старинным лобзиком (пилкой по золоту) из мастерской Фаберже. Майор полез было на верхнюю полку, где стояли кислоты.

-- Не надо, -- предостерег я, -- дырка будет на штанах.

Майор послушался.

Было очевидно, что моя внутренняя уверенность (а я был уже уверен, что в секретере больше нет криминала) передалась моим «гостям». Похоже, что, смирившись с неудачным обыском, они уже просто заканчивают выполнение формальностей.

Вскоре все пространство открытой крышки секретера оказалось заполненным разнообразными предметами. Тогда майор решил, что все это надо перенести на стол в комнату, где я должен буду называть досматриваемые и изымаемые у меня предметы, а он будет записывать их в опись изъятого. Мы мирно уселись около стола, и я, один за другим, передвигал от себя к нему различные ювелирные предметы и сообщал их названия. Майор записывал.

Вдруг я увидел, что в одной из коробочек, где хранились различные обрезки золота, предназначенные в переплавку, поблескивают две маленькие детальки. Эти детальки я изготавливал для того самого подонка, который меня сдал, и

эти-то две маленькие детальки смогут доказать впоследствии мою связь с подонком. А мне бы этого не хотелось.

Рядом с детальками в коробочке лежал золотой слиток, граммов на двадцать пять весом. Мне стало его жалко.

Я попросил у жены супа.

Жена удивилась и сказала: «Потерпи, потом поешь».

-- Потом будет поздно. Нас там сегодня кормить не будут. На нас не запланировали.

-- Как? -- удивилась жена. -- Нас что, заберут?

-- Ну а как ты думала?

-- Приятно иметь дело с умным человеком, -- поддакнул майор.

Жена принесла тарелку борща и кусок хлеба. Я положил хлеб рядом с коробочкой, где лежали детальки и слиток золота.

Ел борщ и продолжал перечислять названия описываемых предметов.

Брал рукой хлеб, откусывал, клал около коробочки.

Брал, откусывал, клал.

Движение руки примелькалось. Движение руки было оправданно. И когда вместо хлеба я вытащил из коробочки детальки и положил их в рот -- никто не обратил внимания.

Изо рта я переправил детальки в ложку, из ложки -- в тарелку. Они скрылись на дне борща. Тут я, совсем обнаглев, так же «съел» и кусок золота. Вскоре и он оказался в тарелке.

Мой дедушка научил моего папу после еды оставлять тарелку чистой. Все должно быть съедено до конца. Мой папа научил этому меня. Моя жена знала мои привычки. Вдруг, впервые в жизни, я не доел. Отодвинул от себя «золотой борщ» и сказал коротко: «Убери». Моя умная жена не вылила суп. Она поставила тарелку на кухне и прикрыла крышкой.

Когда, через два дня, я вернулся домой, борщ, конечно, прокис.

Но золото, как известно, и в супе не портится.

ВОСПОМИНАНИЯ В САМОЛЕТЕ

...Мальчик лет десяти сидит в темноте на подоконнике чердачного окна. Он ест пирожное. Сахарную трубочку, наполненную кремом. Два рубля двадцать копеек* штука. Ему очень вкусно. И очень стыдно.

Дома его ждут родители, домработница Фаина Васильевна. Мальчик вырос в атмосфере любви, доброты и товарищества. С раннего детства его приучили все делить поровну (ох уж эта советская привычка обязательно все разделить!).

Два рубля двадцать копеек попали к нему каким-то необъяснимым сейчас образом. История не сохранила для нас источник получения этой астрономической для мальчика суммы.

Но, заимев ее, мальчик пошел в большой и светлый магазин, купил самое любимое свое пирожное и побежал домой, чтобы честно разделить его поровну. Но не дошел. Не удержался от соблазна: уж очень маленькое было пирожное, так вкусно пахло, и уж очень маленький кусочек достался бы ему после дележа.

И вот мальчик сидит в темноте и ест пирожное один. И ему очень вкусно и очень стыдно. Это чувство стыда останется с ним на всю жизнь, и, хотя в будущем он иногда будет совершать поступки, за которые ему на самом деле придется густо краснеть, этот подоконник на чердаке и сахарная трубочка за два рубля двадцать копеек, как первый нечестный поступок, будут следовать с ним всю его жизнь.

* * *

В одном французском журнале обо мне было написано: «Его отец был математик, а мать -- дворянского происхождения». Похоже на старый анекдот: старший сын был умный, а младший -- футболист.

На самом деле мой папа также был «дворянского происхождения». И на самом деле он был математик. И мама была дворянкой. Но еще она была ученый -- геолог и геоморфолог, изучала историю эволюции Земли, исследуя древнейшую флору, пыльцу и споры растений.

Мой папа был честен, как швейцарский банк. Он был рабом однажды данного им слова. Он был блестяще образован, умен, но одновременно наивен как ребенок. Он верил всем, кто просил у него в долг. И если ему не возвращали, он был очень удивлен. Но когда у него в очередной раз просили денег, он все равно никогда и никому не отказывал.

Мой папа никогда не был пионером, -- на его счастье эту детскую парторганизацию придумали позднее, никогда не был комсомольцем (не знаю почему), никогда не был коммунистом (знаю почему). Он просто был честным человеком. И честно воевал. За свою родину, за маму, за меня. И никогда он не говорил, что воевал за Сталина и коммунизм.

Мамина мама, моя бабушка, умерла в тридцать восьмом году в лагере. Вся ее вина состояла в том, что она знала четыре иностранных языка, играла на рояле, пела и назвала директора сельской школы, где работала учительницей, дураком. А директор оказался не только дураком, но и коммунистом. И написал куда следует...

Мой прадед по линии папы, тоже Ананов, получил дворянство в 1902 году. Он был крупнейшим врачом-гинекологом, образованным и богатым человеком. Но все его богатство закончилось с приходом советской власти. Новому режиму нужно было золото, а его проще было отнять, чем добыть на приисках. Вот они и отнимали. Пришли к прадеду. Он говорит -- нету. Они говорят -- есть. А они

*

* В ценах 1955 года.

всегда хорошо знали, что где есть. А он не дает. Тут и произошло первое знакомство моей семьи с КГБ. Точнее, тогда еще с ЧК. Так что у нас это -- семейная традиция. Они его забрали. Три дня держали в подвале, не кормили и не разрешали ходить в туалет. На четвертый день он отдал. После этого они водили прадеда по другим камерам, показывали его тем, кто сдавать не хотел, и говорили: <<Смотрите, вот честный врач Ананов. Он добровольно сдал награбленное у трудового народа золото на благо мировой революции>>. На пятый день его отпустили. Чтобы еще пограбил.

Мой прадедушка по линии мамы был предводителем дворянства в Княгининском уезде. Я о нем почти ничего не знаю, он рано умер. Знаю по фотографиям, что он был красив, слышал, что он был азартен -- проиграл на рулетке в Монте-Карло родовое имение, но потом якобы заложил бриллиантовый перстень и отыгрался.

Этот перстень, как и дворянская печать, чудом сохранились до сих пор. Я всегда надеваю перстень, когда езжу в Монте-Карло. Только вот не знаю, где же теперь имение. А жаль. Но может, и к лучшему. Вдруг проиграл бы.

У меня была очень красивая, милая и хорошая мама. В семье тон задавала она. Папа ее обожал, слушался и отдавал всю свою профессорскую зарплату.

А еще у меня был брат. Никита. Помню, мне было девять. И летом меня отправили в пионерский лагерь. На месяц. Помню, я все время хотел есть. Рос, наверное. А через две недели папа за мной приехал на «Победе», накормил, пожалел и увез домой. Я приезжаю, а у меня брат. Никита.

Он и сейчас у меня есть. Но как бы его у меня и нет. Так тоже иногда бывает. Дай ему Бог здоровья.

Моих папы и мамы давно уже нет. Но у меня есть жена Лариса, верный и преданный друг, красавица, умница и очень хорошая мама. Потому что у нас есть дочка. Анечка. Я ее зову то Поросянок, то Зайчик. Смотри, какие обстоятельства.

А она утверждает, что она Ежик. Скоро ей исполнится десять лет.

Книга пишется медленно. Вот и еще одна дочка родилась -- Анастасия.

* * *

...В тот день мама послала меня за молоком.

Положив бидон в черную клеенчатую сумку на молнии, я отправился через Литейный в низок, где был молочный магазин. Три обшарпанные ступеньки вниз.

В очереди ко мне пристроилась кошка. Она подошла доверчиво, как к старому знакомому, потерлась о мою лодыжку, обтянутую коричневым фильдекосовым чулочком, и стала терпеливо ждать, когда продавщица нальет мне молока в бидон.

Купив молока, я поставил бидон в сумку, кошка прыгнула туда же. Я застегнул молнию и вышел на Литейный.

...От угла улицы Чайковского медленно отходил трамвай...

Через несколько минут в утренней тишине двора-колодца раздастся гулкий голос дворничихи Маруси:

-- Мальчик из десятой квартиры попал под трамвай!..

Мало кто теперь помнит эти трамваи, не имевшие механических дверей, с длинными медными поручнями, за которые можно было уцепиться и прыгнуть на ступеньку прямо на ходу...

Я решил прокатиться до своего любимого рыболовного магазина, что на Литейном, около Невского. Там я мог стоять часами, разглядывая крючки, блесны и катушки для спиннинга.

Зажав правой рукой сумку с ласковой кошечкой и бидоном, я бросился через дорогу за набирающим скорость трамваем и прыгнул на переднюю площадку заднего вагона...

...Мальчик из десятой квартиры попал под трамвай...

Папа собирался в институт. Мама готовила завтрак на кухне.

Я прыгнул. Хотя скорость была уже большая и прыгать было нельзя. Но я прыгнул. Левая нога в фильдекосовом чулочке сорвалась с подножки. Левая рука съехала вниз по медному поручню...

Но Бог спас меня и на этот раз.

Помню, лежа на спине в луже крови и молока, я почему-то не чувствовал боли. Мама, прибежавшая с отцом на крики дворничихи, пыталась подсунуть под меня одеяло.

Я лежал и думал, что вдрызг порванные, ненавистные мне, короткие, под коленки, брюки-бриджи мама наверняка уже выбросит, а это значит, что я буду ходить в школу в длинных взрослых брюках, что все мальчишки будут дико меня уважать, и еще думал, как я выгляжу, ведь в толпе, окружавшей трамвай, было много девушек и молоденьких женщин...

Стоял холодный ноябрь, и было мне одиннадцать лет.

Наконец меня достали из-под трамвая. Раскрутили ногу в намотавшем до колена на ось фильдекосовом рваном чулке и зажатую тормозной колодкой, завернули меня в мамино одеяло, переложили на носилки и понесли к машине.

Народ расступился, и я увидел трамвай, рельсы, залитые молоком, рядом валялись сумка и бидон.

Я вспомнил о кошечке:

-- ...Сумку, сумку возьмите...

Тут я увидел кошку.

Черная шерсть стояла дыбом. Выгнув от удовольствия спину, она жадно хлебала из рельса молоко, по которому расплзались красивые алые разводы крови.

Народ расходился.

Рейс СПб -- Париж, 1993 г.

МОШЕННИКИ

(История I)

Шли пятидесятые годы...

В то время велосипеды у детей, да, впрочем, и у взрослых тоже, считались большой роскошью. Чаще счастливы имели двухколесные самокаты, на которых можно было, разбежавшись, долго ехать, отталкиваясь время от времени одной ногой, а разогнавшись, поставить на самокат обе ноги и рулить, презрительно поглядывая на разбегающихся в стороны девчонок.

Мы пришли в гости к родственникам. И вдруг мой двоюродный брат Володя подарил мне самокат. Потому что сам из него уже вырос. Володя был старше меня лет на пять.

Когда через много-много лет я купил свой первый «Москвич», даже тогда я не был так счастлив, как получив этот старый самокат. Я вел его торжественно, держа за руль, через весь наш Дзержинский район к себе, на Литейный.

Дома мы его почистили, папа смазал колеса солидолом.

Всю ночь я не мог дождаться утра, когда мы наконец пойдем с нашей домработницей Фаиной в Таврический сад.

Там недалеко от входа была такая чудная пологая горка, с круглым павильоном-мороженицей наверху. С этой самой горки и ездили счастливые обладатели самокатов -- вниз, по длинной аллее, огибавшей пруд, -- пока не скрывались из виду на повороте аллеи, за пышными кустами чего-то покрытого маленькими белыми цветами.

И вот я стою с самокатом на горке. Наверное, я не решался первый раз съехать, вот и замешкался. Домработница куда-то временно отлучилась. Кажется, у нее в ту пору был знакомый солдат, как у всякой порядочной домработницы.

-- Мальчик, дай прокатиться, я тебе машинку дам...

Передо мной стоял мальчишка моих лет, в кепке-лондонке, как их тогда называли, повернутой козырьком назад, и в коричневых ботинках с черными шнурками.

Я молча взял машинку, мальчишка поставил левую ногу на самокат, оттолкнулся коричневым ботинком с черным шнурком и лихо покатил с горки, пока не скрылся из виду в конце аллеи, огибавшей заросший кустарником пруд...

Я стоял и ждал.

Наконец появилась явно довольная Фаина и тут же набросилась на меня:

-- Где самокат?

-- Я мальчику дал прокатиться...

-- Так он же не вернет!

-- Вернет. Он мне машинку оставил.

Фаина вырвала у меня из рук ржавую игрушку и в сердцах зашвырнула в кусты.

Мальчик, наверное, был уже далеко; он разогнался, поставил обе ноги на самокат и свысока поглядывал на разбегающихся в разные стороны девчонок...

Вот и состоялась моя первая встреча с мошенником. И оказался я, как теперь говорят, «лохом».

Ну что ж. Так тебе и надо.

И все-таки людям надо верить. Пусть это наивно. И все-таки...

* * *

По дороге в аэропорт нас обстеляли.

Оказывается, когда сидишь в машине, выстрела почти не слышно -- его заглушает шум колес и мотора. А когда пуля прошивает кузов, то звук такой, как будто гвоздем сделали дырку в консервной банке.

В общем, сделали нам три дырки в левом заднем крыле, обогнали и уехали. То ли пугали моих сибирских партнеров, то ли с кем-то спутали.

Я возил в Сибирь коллекцию ювелирных изделий в надежде открыть обширный местный рынок, больший, чем весь рынок Европы, но чего-то мои сибирские партнеры не додумали. Просидел я два дня в холодной гостинице, в местном «люксе», халата и домашних туфель, как, скажем, в «Отель де Пари», мне не выдали, про рум-сервис не слышали, горячая вода в кранах была холодной. На третий день я решил, что хватит с меня сибирских миллионов, вытащил из-под кровати чемоданчик с драгоценной коллекцией и попросил, чтобы отвезли меня в аэропорт.

Но неприятность с «гвоздями» по дороге оказалась не единственной. В довершение выяснилось, что билета мне никто не забронировал, а прямого рейса в Санкт-Петербург в этот день не было. Пришлось лететь через Москву, с посадкой в Домодедове и переездом оттуда в аэропорт Шереметьево.

Последний раз я совершал такой переезд лет тридцать назад, когда улетал в Ленинабад, в Республиканский театр драмы, молодым актером.

Наконец самолет пошел на посадку. Москва. Осталось только сесть, и меня «пронесло».

Как всегда, прилетевших в Домодедово пассажиров атаковала лихая шоферская братва, вкрадчивым голосом предлагавшая услуги такси.

-- Господин, могу я вас подвезти?

Передо мной стоял улыбчивый молодой человек, скромно одетый и очень располагающий к доверию. И я совершил первую свою в этот день ошибку. Хотя, правда, не сразу. Сразу я спокойно покачал головой отрицательно, давая понять, что со мной все в порядке, по моему виду надо было понимать, что я не нуждаюсь в его услугах, так как мой водитель уже стоит около служебной машины, держа в руках фуражку, готовый подхватить вещи и услужливо распахнуть дверцу.

Я знал, что если уж необходимо брать такси, так это ты должен брать, а не тебя.

Но молодой человек был очень вежлив и расстроен. Упавшим голосом он сказал:

-- Эх, хотел жене подарок купить...

И я растаял. Подумал даже -- заплачу и подарю мальчику маленькое пасхальное яичко, с прозрачной, как ветерок, эмалью, лучше подарка он уж точно не найдет.

-- Какая у вас машина?

-- «Шестерка».

-- Да... Ну ладно, поехали. Сколько возьмете до Шереметьева?

-- Пятьдесят тысяч.*

Честно говоря, я плохо знал порядок русских цен. Вот в Париже я знал точно: из аэропорта Шарль де Голль до центра -- двести пятьдесят франков.

Я согласился и сразу же совершил вторую ошибку: не спросил, сколько пассажиров будет в машине. Привык, наверное, что там их не бывает.

Около «шестерки» топтался бесцветный человек в плаще, с чемоданчиком, из которого он извлек домашний бутерброд с кильками и яйцом и, не теряя времени даром, начал закусывать. Я догадался, что это еще один пассажир, но как-то уж очень меня умиротворил его самодельный бутерброд, типичный командировочный плащ и выдавший виды чемоданчик.

Человек оказался общителен и как-то без мыла быстро влез в душу. Сообщил, что сам он из Сочи, спросил, бывал ли я там.

Бывал ли я в Сочи! Да у меня там лучшие годы прошли, сначала в «Жемчужине», а потом в «Дагомысе». Когда мы были молодые...

И я поддержал разговор. Поэтому, когда появился еще один попутчик, тоже, впрочем, вполне приличный приезжий из Сибири, отказываться от поездки и искать другую машину было уже как-то неудобно.

Не зря говорят, что неудобно только спать на потолке, потому как одеяло сваливается...

И от этого интеллигентного неудобства я влип в историю.

Начали рассаживаться. Новый пассажир сел спереди, я по привычке направился на заднее сиденье и решил все-таки вначале посадить командированного с бутербродом. Но он отказался, сославшись, что едет-де до метро, и я сел на заднее сиденье первый.

Слева от меня была дверь с отломанной ручкой, справа попутчик. Пути к отступлению оказались отрезаны.

Едва мы тронулись, к нашему милому шоферу подбежал какой-то хмырь:

-- Серега, возьми тут одного за двадцать баксов до метро!

Странно, шофер-то вроде говорил, что случайно в Домодедове...

Около машины замаячил здоровенький дядя с улыбкой заплочных дел мастера.

Почему-то мне в голову не пришло, что между Домодедовом и Шереметьевом метро нет и быть не может. Но я сказал твердо:

-- Парень, всех денег не заработаешь. Или ты едешь, или я выхожу. Тут у тебя и двоим-то тесно.

-- Но двадцать баксов, мужики... -- заскулил шофер -- Подвиньтесь, а?

-- Или ты едешь, или я выхожу, -- повторил я.

И мы поехали.

Я сидел положив на колени свой парижский атташе-кейс, обтянутый черной лайкой и полный драгоценностей. На пальце левой руки, как всегда, поблескивал дедушкин перстень с крупным алмазом, который, как гласит семейное предание, спас его от полного разорения в игорном доме Монте-Карло, на той же руке из-под манжета иногда выглядывали часы с бриллиантами фирмы «Ананов». Исключительно в целях рекламы.

Двое командированных, один из Сочи, а другой, как выяснилось, из Челябинска, оживленно беседовали.

Я не знал точно отчего, но в глубине души я чувствовал некоторую тревогу. Вокруг нас было темно и грязно, и ехали мы по какой-то темной и грязной дороге.

Вдруг мое ухо уловило, что разговор коснулся темы игорного бизнеса. Командированный из Сочи расхваливал новое казино на корабле, стоящем напротив «Жемчужины».

<<Во что же они там играют, не в рулетку же! Там ведь качает!?!>> -- подумал я. Подумал и спросил.

-- Да нет, в карты.

-- Блек-джэк?

-- Нет, игра такая, простая, в две карты. А играть может сразу семнадцать человек.

Тут игрой в две карты заинтересовался передний:

-- Научи! А то мы на даче с семьей часто в карты играем, у нас как раз народу много...

-- Да что без карт учить, невозможно это... -- отнекивался сочинец.

Как только возникла карточная тема, я насторожился. Но виду не подал. Просто с ранней юности я хорошо знал, чем заканчиваются дорожные игры в поездах или на круизных кораблях, в парках или на пляже около Петропавловки. Сначала -- в «сечку по рублику», потом незаметно меняется колода, «сменка», и в один удар «лоха», которому «выпадает» крупная карта, опускают на всю наличку и прочие ценные вещи. Но это было давно, это была наша юность... Как-то не верилось, что та примитивная ситуация могла повториться сейчас, в конце двадцатого века, и участвую в ней я, ювелир, имя которого уже знает полмира.

-- Не буду я ничему учить без карт. -- Сочинец даже как будто обиделся.

-- Да есть, есть карты! Я без них ни в одну командировку не езжу! Карты, шашки...

<<Делом бы лучше занимался, дурак>>, -- подумал я.

Передний перетянул колоду. Мой сосед начал пересчитывать карты, попутно вытягивая из колоды тузов.

-- Да тут двух тузов не хватает! -- со странной интонацией скрытого негодования произнес он.

-- Не может быть... Тьфу, бля, точно... -- И передний вытащил из другого кармана двух тузов.

У меня защемило сердце, и снова вспомнилась юность. Тогда я проиграл на пляже свои первые часы, анодированную «Победу», купленную на заработанные летом в колхозе деньги.

Я стал прислушиваться к объяснениям сочинца.

-- На руки сдается по две карты. Туз -- одиннадцать очков, десятка -- десять, дама -- три, остальные -- как написано на карте. Две карты сдаются в прикуп. Если хочешь их взять, надо поставить двойной банк, но тогда к очкам карт из прикупа прибавляется очко...

На пробу сочинец начал сдавать, кладя карты на мой атташе-кейс. Сдав, он наглядно показал, как торговаться и как брать прикуп, скидывая свои старые карты.

-- Ну вот. Теперь я сдаю по-настоящему, как в казино, -- торжественно произнес он. Перетасовав почему-то только низ колоды и не дав «снять», он раздал карты:

-- В банке десять тысяч, для пробы, -- и положил на мой кейс купюру.

За свою длинную жизнь я повидал много. И многому научился. В студенческие годы был автогонщиком, блестяще играл на бильярде, а на лекциях по высшей математике, которые нам читал выдающийся ученый -- профессор Широхов, азартно играл в преферанс на самом верхнем ярусе огромной аудитории -- лектория истфака Ленинградского университета. Простите меня, господин профессор.

Как-то я нарвался на двух друзей-шулеров. Играя по технике очень высоко, я ничего не мог с ними поделать -- они чуть ли не каждую свою сдачу играли «девятерные» и «мизеры». Как говорится, против прухи интеллект бессилён.

На выигранные у меня деньги они меня же и «угостили». И мы подружились. Позднее один из них -- вполне приличный парень, Юра Рожковский -- открыл мне некоторые шулерские азы своего мастерства. Я оказался способным учеником. Мне захотелось стать великим шулером. Великим я не стал, но выдающимся, безусловно, был. Всегда играя честно с честными партнерами, я получал большое удовольствие, «опуская» начинающих жуликов, игравших «на пару».

Я достиг такого мастерства, что, играя с жуликами, сдавал не себе крупные карты, а им, -- хорошие карты с плохими «раскладами». «Девятерную» с

ренонсом масти или <<мизер>> с ловленной восьмеркой «бланк». За девять секунд, не глядя на карты, непринужденно разговаривая с «клиентом», я из тридцати шести карт «зачесывал» двадцать две, давал «снять» колоду «клиенту» и делал «вольт» одной рукой.

(Кто не поймет этих терминов, может обратиться за разъяснениями в Домодедово.)

-- В банке десять тысяч рублей. Для пробы.

Из машины мне не выйти. «Попутчиков» трое, и они, безусловно, профессионалы. Да еще шофер... Я лихорадочно соображал, как мне унести ноги и атташе-кейс, обтянутый черной лайкой. Сочинец уже не раз, как бы невзначай, подталкивал его, видимо стараясь определить содержимое.

Отказаться от игры было нельзя. Я знал, что в этом случае один из «партнеров» начинает сетовать на «неуважуху», нарываться на ссору, которая кончается дракой и насильственным «отъемом» денег.

И я решил перехитрить профессионалов. И унести ноги. А еще теплилась надежда, что все это -- натуральная игра, без подвоха, и я не «клиент», а просто попутчик.

На двух картах максимальное количество очков -- двадцать два, два туза по одиннадцать. Если же другие два туза лежат в прикупе, то они «вешают» на очко больше, и это и есть самая сильная комбинация в этой примитивной игре.

Таким образом, быстро вычислил я, если я «попутчик» и игра настоящая, то на руках у меня сейчас окажутся любые две карты. Если же я «клиент», то у меня должны быть два туза после сдачи, а другие два туза должны лежать в прикупе. Как и подобает настоящему «лоху», я не должен брать прикуп, так как карты и без того у меня прекрасные. Прикуп возьмет кто-то из «попутчиков», -- таким образом, у него на руках оказывается беспроигрышная комбинация, ну а «клиент» с двумя тузами, думая, что ему крупно повезло, ставит на кон все, что имеет, уверенный в выигрыше. В итоге он или остается в одних носках и ему не хватает денег сравнять банк, или его «партнер» берет прикуп, изображает бурный восторг, вываливает тузов -- и поезд уходит.

В лучшем случае «лоха» просто высадят из машины на грязной Окружной дороге и дадут немножко денег, чтобы добраться до метро, но не очень быстро. В худшем случае дадут по голове.

Дело это чистое, доказать мошенничество практически невозможно, «лоха» насильно никто играть не заставлял.

Я поднял свои карты. Два туза.

Все ясно. Я -- «клиент».

Ну что, братцы-командированные, молодцы. Провели профессионала. Но все же еще не вечер.

Я прикинул, сколько же у меня налички. В бумажнике лежало около восьми миллионов рублей и некоторое количество валюты.

И я положил на стол десять тысяч. Игра началась.

Передний игрок положил сто. Сочинец добавил полмиллиона. Я положил шестьсот и добавил.

Через два круга до меня дошел банк с восьмью миллионами. Теперь, чтобы взять прикуп и открыть карты, мне нужно поставить двойной банк. Но мне могут не дать прикуп.

Мой сосед вел себя в лучших традициях системы Станиславского. Но тут «проколотся» передний:

-- А если деньги кончатся, цепь на сто граммов можно заложить?

Эх ты, парень! Ну откуда у тебя цепь на сто граммов, ты же командированный из Ижевска! Да и кому закладывать? Леснику?

-- Ребята, а валюту берете?

-- Берем, берем, -- радостно закивали «ребята».

-- А по какому курсу? ЦБ?

-- ЦБ, ЦБ.

Я незаметно отсчитал двойную сумму, положил на «стол» и схватил прикуп. «Командированные» заорали от неожиданности:

-- Куда!!!

-- Я поставил вдвойне, -- спокойно сказал я. -- Хотя... дурак, мог бы и не брать... И так карта была хорошая... -- Я притворялся «чайником».

Итак, я их перехитрил. Сейчас у меня на руках беспроегрешная комбинация. Два туза из прикупа.

«Партнеры» в сердцах бросили карты, я сгреб деньги и, не считая, набил ими карманы.

Теперь осталось унести ноги.

-- Да... -- протянул передний, все еще не веря, что «лох» выскочил. -- Ну ладно, была не была, сдавай еще раз, дай хоть отыгаться. Сдавай по новой, -- торопил он напарника.

-- Нет, ребятки. Сдавать мы пока не будем. Сперва мы разберем ваши ошибочки.

-- Какие такие ошибочки? -- не понимал передний.

Шофер молча крутил баранку.

-- Ваша первая ошибка, мужики, что вы меня за «лоха» из Сибири приняли, благо я омским рейсом прилетел. Но я не из Омска. Я из северной столицы, из Питера то есть. Из Санкт-Петербурга. И то, что в Омске еще не проходили, мы уже в Питере забывать начинаем. Вторая ваша ошибочка, -- перебил я пытавшихся прикинуться оскорбленными «мужиков», -- это когда ты цепь на сто граммов засветил. Ну, парень, подумай! Ну откуда у тебя цепь, ты же командированный из Ижевска или там из Челябинска, я уж не помню. -- («Парень» сконфуженно молчал.) -- А ты, друг, молодец, -- похвалил я соседа. -- Твой бутерброд с килькой дорогого стоит. Где это тебя научили?

-- Есть места, -- уклончиво ответил тот. Вообще, он больше молчал, думая, видимо, сейчас меня «мочить» или подождать немножко...

-- А теперь, ребятки, перейдем к главному. Как вы с картами работаете? За это же руки оторвать мало!

-- А что?

-- А вот что. Вот ты, например. Тузов из колоды на глазах у клиента выживаешь, а потом он у себя же на руках их и находит, «снимать» не даешь... Разве так можно, ребятки? Ну нужны тебе тузы, так ты сыграй для понта, без денег, подбери их незаметно, потасуй колоду так, чтобы клиент не удивился, да еще «рубашками» вверх, а не так, как ты, -- мусолишь нижние пять карт, не трогая верха. И снять дай, да не своему «сламщику», а «клиенту», чтобы он уже никогда бы ничего не понял. Понял? Ну, сними.

Машинально сосед «снял» колоду.

-- Ну. А дальше что?

-- А дальше я сдам.

Я раздал карты.

«Ребята» смотрели на них, будто первый раз видели. Я их, наверное, строго отчитал, задел, так сказать, профессиональную гордость.

-- Ну, что вы сидите? Поднимайте карты.

Они подняли и уставились в них.

-- Ну, чего ты уставился? Тузов не видал? Так там еще в прикупе два лежат, можешь посмотреть.

Сосед поднял прикуп. Там лежали два туза.

-- Ну, бля, да еще на вторую руку... -- вполголоса сказал он напарнику. -- Научи.

-- Учеба денег стоит.

-- Сколько?

-- Ну... -- задумчиво протянул я... -- А сколько, в натуре, стоит доехать до Шереметьева?

-- Сто пятьдесят баксов.

-- Ну ладно. Уговорили. Везите в Шереметьево, а я по дороге вас поучу. Кстати, а где мы сейчас?

-- На Окружной, шеф, -- отозвался шофер.

-- За час успеешь?

-- Попробую.

Под аккомпанемент «охотничьих рассказов» шофер крутил баранку. Через некоторое время начались знакомые места, а затем и Ленинградский проспект. У меня слегка отлегло.

Я показал новым «друзьям» несколько нехитрых карточных приемов. Они сидели затаив дыхание. Наконец впереди показался аэропорт.

-- К депутатскому залу, -- коротко приказал я.

«Командированные» нехорошо заулыбались.

-- Во, бля, депутаты, то-то мы так и живем...

Я дал шоферу купюру из выигрыша:

-- Теперь лучше будете жить, -- и вышел.

-- Вы бы нам хоть на пиво оставили, -- сказал в окно сосед, униженно улыбаясь.

-- Тебе нельзя. У тебя домашнее задание.

Стараясь не торопиться, но и не медля, я уносил ноги в сторону спасительного зала. Уносил и ноги, и спасенный атташе-кейс. А может быть, и жизнь.

Через неделю я летел в Москву. Развернув в самолете газету «Смена», любезно предложенную стюардессой, я наткнулся на заметку под рубрикой «Происшествия»:

«130 миллионов проиграл случайным попутчикам предприниматель Х., а когда попытался вернуть проигранное, то получил удар рукояткой пистолета по голове и был выброшен на дорогу».

Похоже, это мои «приятели» заработали-таки на свое пиво.

*Суммы указаны в ценах деноминированных рублей

ПУТЬ НА ПРАЗДНИК

Первый раз я родился в Ленинграде 8 августа 1945 года. Меня крестили в Спасо-Преображенском соборе, и крестной стала наша домработница Фаина Васильевна.

Второй раз я «родился» в Париже, в отеле «Риц», 6 ноября 1991 года. Моей «крестной матерью» была Людмила Борисовна Нарусова-Собчак, а крестными отцами -- президент парижской фирмы «Elida-Gibbs Faberg[ac]e» господин Патрик Шоэль и министр туризма Франции господин Жан-Мишель Байле.

6 ноября в отеле «Риц» состоялась презентация фирмы «Ананов».

А чуть раньше, весной 1991 года, на приеме в российском посольстве в Париже в разговоре с мэром Санкт-Петербурга Анатолием Александровичем Собчаком Патрик Шоэль поинтересовался судьбой дома Фаберже, что на Большой Морской в Петербурге. Хотел было принять участие в возрождении былой славы крупнейшей ювелирной фирмы, да посетовал, что не осталось-де в России больше мастеров, утеряны навсегда секреты Карла Фаберже, некому производить великолепные, тонкие и изящные изделия, коими славилась фирма.

Людмила Борисовна, супруга мэра, вмешалась в разговор -- за державу обиделась.

-- Я знаю одного мастера, -- скромно сказала она. И сняла с шеи цепочку с маленьким пасхальным яичком-медальоном, покрытым прозрачной, как ветерок, эмалью. Под эмалью играл и переливался гильошированный рисунок, точь-в-точь как на старинных изделиях Фаберже.

Интеллигентный, художавый и по-французски подтянутый, господин Шоэль оказался тонким знатоком французских ароматов и французских женских душ. Недаром он был президентом «Духов Фаберже». Но он ничего не понимал в ювелирном деле.

Маленькое яичко, изготовленное никому не известным умельцем Андреем Анановым, только-только организовавшим в Петербурге первую частную ювелирную мастерскую, попало на экспертизу в величайшую ювелирную фирму мира -- «Картье».

Специалисты фирмы и так и эдак вертели и разглядывали яичко. А потом вздохнули и сказали: хорошее яичко, мы тоже такие делали лет сто назад.

Через три недели интеллигентный, художавый и по-французски изящный Патрик Шоэль со свитой и с яичком появился на берегах Невы. В его портфеле лежал свеженький, пахнувший золотом и типографской краской контракт. А в контракте значилось, что фирма «Elida-Gibbs Faberg[ac]e», мировой владелец имени Фаберже, предоставляет право клеймения изделий, изготовленных в мастерской Андрея Ананова в Петербурге, именем великого мастера.

Предложение было сногшибательное. Заманчивое и почетное. От него пахло типографской краской и денежными знаками. Оно лежало в роскошной корочке красного цвета, с тисненым гербом Российской империи и надписью «Фаберже».

В огромные окна представительства МИДа, где происходила встреча, заглядывала Петропавловская крепость.

Художавый, подтянутый человек лет сорока шести поднялся со своего места. На прекрасном (как ему казалось) английском языке он поблагодарил за оказанную ему честь. Подарил гостям картину, на которой была изображена дача Карла Фаберже в окрестностях Санкт-Петербурга, окруженная запущенным парком. Сказал что-то о своих предках, из чего гости поняли только слово «аристократы», что-то объяснял про свою фамилию, про своих учеников и детей, про то, что Фаберже-де очень уважает, но желает свое имя на

изделиях видеть. В общем, от красной корочки, пахнувшей типографской краской и денежными знаками, отказался.

Но милый, любезный и элегантный господин Шоэль оказался не только тонким знатоком французской парфюмерии, но и большим умницей. Он раскусил самолюбивого и тщеславного, однако способного и упорного сорокашестилетнего нахала. В начале ноября в Париже состоялось подписание контракта, пахнувшего золотом и свежей типографской краской. На роскошной корочке ярко-красного цвета, на фоне двуглавого орла, символа Российской империи, стояло два имени -- <<Фаберже от Ананова>>. «Faberg[ac]e par Ananov», Париж -- Санкт-Петербург.

В ноябре 1991 года отель «Риц» праздновал рождение нового имени на ювелирном небосклоне Парижа. Представлялась уникальная коллекция ювелирных изделий под двумя именами -- Фаберже от Ананова. На один вечер зимний сад отеля накрыли прозрачным потолком. Гости ели черную икру большими столовыми ложками. Андрей Ананов давал интервью французскому телевидению на прекрасном (как ему казалось) английском языке. Дамы были преимущественно в бриллиантах. Жена ювелира была очаровательна.

Министр туризма Жан-Мишель Байле и голос Собчака на магнитофонной ленте открыли вечер. Судьба приоткрыла для Ананова дверь в блистательный Париж, образовалась узкая щель. Он тотчас просунул в нее палец.

С тех пор прошло несколько лет. Узенькая щель в волшебной двери, ведущей в прекрасный Париж, стала шире.

Энергия творчества не создается и не уничтожается. Она переходит из одной формы в другую, из одного состояния в другое.

Да здравствует закон перехода количества в качество! Я прожил большую половину своей жизни, и я жил честно, поверьте мне. Я работал. Я был честолобив и упрям. Я не делал людям зла. Я старался делать добро. Я люблю красоту. Я люблю свою работу. Я люблю Париж.

Я горжусь великим русским человеком Николаем Александровичем Романовым, Николаем II, подарившем Парижу мост. Мост Александр де Труа. Мост имени своего отца. По нему ходят правнуки русских современников царя. По нему ходят французы. На этом великом подарке лежит печать русской щедрости, русского размаха, русской души. Он навечно соединил два берега Сены, как история когда-то соединила Россию и Францию. И, дай Бог, тоже навечно.

Путь в Париж мне проложила «Elida-Gibbs Faberg[ac]e».

Патрик Шоэль стоял на пороге. В начале пути мне очень помогла очаровательная, талантливая Нанси Бьянки. Мои первые литературные опыты благожелательно встретил классик французской литературы мэтр Морис Дрюон: «...если и остальное написанное вами имеет такую же ценность и написано так живо, динамично и с такой же психологической тонкостью, то я думаю, что из этого может получиться хороший труд...». Это отрывок из его отзыва о моей будущей книге.

Граф Лев Алексеевич Бобринский и княгиня Маша Магалофф, великий князь Владимир Кириллович Романов, великая княгиня Леонида Георгиевна Романова, Серж де Пален и многие, многие другие, известные и неизвестные, но неизменно благодарные и красивые люди помогли мне и поддерживали меня на моем пути, в прекрасном и сложном Париже.

Но один человек стоит особо. Умный, милый, добрый и немного грустный. Деятельный, счастливый и несчастный. Бизнесмен и художник. Француз с маленькой частью русской крови и большой русской душой.

Mon p[ac]ure me disait... * Только он один знает, что на самом деле означает эта фраза. Его зовут Владимир Рэн.

* * *

Через час наш самолет приземлится в аэропорту Шарль де Голль города Парижа. Париж -- красивый город. Почти как Петербург, только в очень хорошем состоянии. И нигде не пахнет гниением капитализма. И в лифте не писают.

Мне в Париж по делу. Я тут через семь лет получу Гран-при и орден Почетного легиона. Как Карл Фаберже. Правда, об этом, кроме меня, пока никто еще не знает. Мой отец говорил мне: «Если ты хочешь чего-нибудь добиться, ищи способы, а не причины для сомнений». Вот я и ищу. Один способ -- моя витрина в Версале, в отеле <<Гранд Палас>>. Другой -- сентябрьская выставка в <<Гранд-Пале>> на Елисейских Полях.

«Через двадцать минут наш самолет произведет посадку в аэропорту Шарль де Голль города Парижа. Температура воздуха -- шестнадцать градусов выше нуля. Просим воздержаться от курения и пристегнуть привязные ремни».

Сейчас в Петербурге час, а в Париже одиннадцать. Жизнь удлинилась на два часа. Жизнь прекрасна. Я всех вас люблю, мои дорогие французы. И француженки.

Бонжур.

Рейс СПб -- Париж.

МОШЕННИКИ

(История II)

В самый пик сезона, летом, когда гостиница «Европа», где в первом этаже расположен наш ювелирный салон, забита посетителями до отказа, в двери магазина вошел молодой человек лет тридцати.

Молодой человек обращал на себя внимание. Он был тщательно и со вкусом одет, детали его костюма -- галстук, пряжка ремня, носки и зажигалка -- рассказывали о благосостоянии хозяина и круге его общения. Вел себя он в окружении изящных и уникальных предметов из золота, эмали и драгоценных камней, как и большинство клиентов, впервые попадающих в роскошный интерьер салона -- вежливо и несколько стеснительно. Словом, особенно ничем из прочих клиентов не выделялся.

Самые красивые продавщицы демонстрировали ему вершины европейского сервиса. Обаятельная и скромная Лена и тактично-сексуальная Таня организовали обширную экскурсию по салону, чашку хорошего кофе, пепельницу и полный набор женских прелестей в рамках, однако, строгих правил салона. Видимо, они «нюхом» чувствовали покупателя «с икрой». И в самом деле, обойдя магазин и внимательно выслушав лекцию об искусстве Фаберже и достижениях Ананова, молодой человек спросил, невольно выдавая акцентом свое «лицо кавказской национальности», есть ли у нас изделие с бриллиантом в пять карат. Он даже не уточнил, что именно, -- кольцо, шкатулка или булавка. А просто -- изделие.

* * Мой отец говорил мне... (фр.).

Девочки, несколько смутившись, побежали звонить шефу. И в самом деле, клиентов такого уровня обычно обслуживает главный менеджер, а то и хозяин магазина. Одним словом, через пятнадцать минут я уже входил в салон.

Работа с бриллиантами, а в особенности область их оценки, продажа клиенту, получение заказа и моделирование эскиза требуют от менеджера особых знаний и навыков.

Тут одних характеристик камня -- его веса и цвета -- недостаточно. Тут нужна психология, знание жизни, фантазия и осторожность. Во-первых, надо убедиться в солидности и платежеспособности клиента, ненавязчиво выяснить, кому и зачем он приобретает камень. Себе или в подарок, посредник ли он или хозяин, насколько он сам разбирается в бриллиантах, что хочет и что может. В итоге какой бы камень или изделие ни желал приобрести клиент, он должен уйти из салона с такой покупкой или заказом, который нужен менеджеру. Если, скажем, клиент спрашивает камень обязательно современной огранки и овальной формы, то немедленно следует красочный рассказ о старых приемах обработки бриллиантов, гранившихся в расчете на мерцающий свет свечей, о таинственной, романтической или кровавой истории, шлейфом тянувшейся за любимым старым крупным камнем. О накопленной им за много веков энергии, о прелести чуть-чуть неправильных граней, созданных огранщиком вручную, вдохнувшим частицу своей души художника в мертвый до этого кристалл, передавшим тепло своей любви к создаваемой красоте через кончики тонких и чувствительных пальцев. И если камень не идеальный, а так, как правило, и бывает, то следует еще более красочный рассказ о включениях в бриллиант как об информации, заложенной Создателем внутрь кристаллической решетки, как дискета вкладывается в компьютер. А если «уголь» расположен в вашем камне прямо под площадкой и хорошо виден невооруженным глазом, то это-де приносит счастье в безответной любви и гласит о событии, которое должно рано или поздно перевернуть к лучшему жизнь владельца, это, мол, послание свыше, которое когда-нибудь, но обязательно будет расшифровано и принесет неожиданную удачу. Тут хорошо рассказать о трагической судьбе придворного огранщика королевы Виктории, получившего однажды от своей повелительницы приказ расколоть огромный алмаз -- весом более ста восьмидесяти карат -- на три части и изготовить три овальных бриллианта, предназначенные к свадьбе королевской дочери. О том, как бедный старик ювелир, понимая всё кощунство своего деяния, целый год измерял и изучал уникальный экземпляр, высчитывая грани спайности, по которым только и возможно расколоть кристалл, плакал от горя, понимая, как преступно перед Создателем дробить этот огромный, чудесный по красоте и чистоте камень, но срок, поставленный королевой, приближался.

И вот, наконец решившись, он наклеил алмаз на специальную оправку, зажал в хитроумном приспособлении, наставил железный клин, перекрестился, но... ударить молотком не смог, как будто кто-то удержал его руку. Снова и снова подходил он к своему верстаку, так и не осмеливаясь выполнить задуманное.

Стемнело. В маленькое окошко мастерской уже светила луна, зыбкий свет свечи, колеблясь, отражался в гранях огромного камня. Старик помолился последний раз, нетвердой походкой подошел к верстаку, взял в руки молоток и ударил, вогнав стальной клин в сверкающее тело алмаза. Посыпались искры. И молоток выпал из державшей его руки. Наутро огранщика нашли на полу маленькой мастерской. Он умер от разрыва сердца. А рядом лежали три одинаковые части расколотого им алмаза.

На клиентов такие рассказы действуют намного сильнее, нежели активное расхваливание продаваемого камня или же доводы относительно дешевизны старого бриллианта по сравнению с новым. И в итоге он уйдет довольный, унося с собой покупку, которую делать совершенно не собирался.

Если же продается новый, современный бриллиант, то ситуация легко меняется. Держа кончиками пальцев бриллиант и медленно поворачивая его так, чтобы луч света, проходя через кристалл, время от времени попадал в глаз клиенту, можно задумчиво сказать:

-- ...Как долго ждал Создатель, пока не появится чудесная компьютерная технология, позволяющая превратить несовершенный природный октаэдр в идеальное по своим параметрам украшение!...

Можно пожалеть огранщиков прошлых веков, вынужденных каждый раз переклеивать камень, нанося очередную грань. И как ни старайся, а все равно предыдущая скрыта под клеем и сделать все грани одинаковыми просто-де невозможно. Оттого-то и цена современного бриллианта выше. Хотя, конечно, старый камень дешевле, ведь даже наши комиссионки делают на них скидку сорок процентов при оценке. А уж когда вы ненавязчиво заметите, что на Западе старые камни вообще не ценятся, клиент обязательно созреет. И уйдет, заплатив значительно больше, чем собирался.

Итак, через пятнадцать минут после телефонного звонка я уже входил в магазин. Надо сказать, что клиенту, возможно, повезло. Как раз накануне фирма, имя которой давно и хорошо известно на Западе, прислала мне для продажи несколько колец с крупными бриллиантами, среди которых находилось одно с прекрасным голубым овальным пятикаратником. Цена его была сравнима с годовым финансовым оборотом всего нашего салона, а нам от этой цены, при продаже, полагались изрядные проценты. Они равнялись месячной зарплате всей фирмы. А зарплата была на носу, и платить ее каждый месяц было нелегко. Одним словом, я ехал в надежде решить все свои проблемы одной этой продажей. И это было бы очень заманчиво. Но хотя я и ехал с надеждами на успех, что-то все-таки не давало покоя. Интуиция подавала еле заметные -- слабые и неотчетливые -- сигналы тревоги. Но нужда гнала вперед. И я ехал.

Я вошел в магазин, представился и протянул свою визитную карточку в надежде получить карточку клиента в ответ. Но не получил. Странно. Клиенты такого уровня, как правило, обладают красивыми карточками, в специальных серебряных коробочках, с золотым обрезаем или голографическими торговыми эмблемами. Вместо карточки я получил лишь имя, типичное для «лица кавказской национальности». Допустим, Гиви.

Вместо того чтобы сразу начать демонстрацию бриллианта, я пригласил клиента пройти в бар. Мы сели за столик, клиент отказался от спиртного и ограничился чашкой кофе. Я тоже. Началась беседа.

Я не торопился расспрашивать клиента о мотивах его желания, о его жизни, месте жительства и роде занятий. Я улыбался, рассказывал о себе, делая иногда паузы в ожидании ответа на разбуженные мною в клиенте ассоциации. Однако информация, которую я получал, была крайне скупа. Все же мне удалось выяснить, что клиент собирает различные коллекции, в том числе коллекцию редких бриллиантов. А вот камня в пять карат в его коллекции как раз и не хватает. Ситуация начинала потихоньку проясняться. Особенно когда Гиви сказал, что платит он наличными, и при этом валютой. И хотя наш салон работает на валюту официально и в получении долларов не было бы криминала, тем более что действие этой истории происходило в то время, когда наличные расчеты в валюте были допустимы, схема будущего расчета меня

насторожила. Все приличные клиенты во всем мире платят кредитными карточками или чеками. В особых случаях переводят крупные суммы через банк. Хотя здесь все было как будто ясно. «Нал» у клиента был черный, и в банк эти деньги Гиви сдать не стремился. Весьма возможно, что дорогой камень был нужен ему не для «коллекции», а для вывоза за рубеж. Впрочем, это были его проблемы. Мои же заключались в том, чтобы не просмотреть жульничества, подставки, куклы, а то и открытого грабежа, не принять фальшивые доллары, но при этом не обидеть недоверием клиента. И я продолжал милый и легкий светский разговор.

То, что эта сделка не могла состояться немедленно, было очевидно. Клиент был без портфеля или сумки, без охраны, а сумму, которую ему предстояло выплатить, в карман не спрячешь. Таким образом, нас ожидала как минимум еще одна встреча, о чем мы и договорились в процессе беседы. Осталось продемонстрировать кольцо; клиент примет решение и завтра принесет деньги. Мы поднялись из-за стола и направились в салон.

Персонал был проинструктирован заранее. Двери салона были временно закрыты на ключ, охранник стоял наготове, не спуская глаз с клиента. Мы прошли в служебное помещение, уселись в кресла. Сейф открыли, и кольцо оказалось у меня в руках.

Гиви взял в руки лупу и начал рассматривать камень. Сразу было видно, что он не профессионал, да он и не скрывал этого. Внешний вид камня ему понравился, и он сказал, что завтра придет со своим ювелиром, который окончательно оценит качество камня, и вопрос будет решен. Договорившись о следующей встрече, мы расстались. Я послал охранника посмотреть, на какой машине уедет клиент. Оказалось, что он ушел из гостиницы пешком.

На следующий день, когда я появился в гостинице, Гиви и его ювелир, с менее выраженным лицом «кавказской национальности», уже ожидали меня в баре около салона.

Я специально рассчитал время встречи, назначив ее в обеденный перерыв. На час двери магазина снова закрыли, охрана гостиницы была предупреждена о возможном сигнале тревоги, который мы незаметно могли подать специальными дистанционными кнопками, и я проводил клиентов в служебную комнату. Однако вместо того, чтобы достать из сейфа кольцо, я сказал:

– Я прошу меня извинить, и вы должны это понять. Я вижу вас впервые. Речь идет об очень большой сумме. Чтобы исключить всяческие неожиданности, сейчас мы поедем в банк, это займет несколько минут, и в помещении банка вы посмотрите камень, сертификат на него, выданный швейцарской лабораторией и являющийся безусловным документом для удостоверения подлинности бриллианта, и, если решите приобрести кольцо, там же и рассчитаетесь, а банк немедленно зачислит деньги на наш счет.

На самом деле это было проверкой. Если клиенты подлинные, реальные, то они вряд ли откажутся. Если же они -- жулики, то в банк, откуда им будет, в случае мошенничества, попросту не выйти, не пойдут.

Посоветовавшись, клиенты согласились. И я несколько успокоился. Тем более что в руках у Гиви на сей раз находился красивый кожаный дипломат «Картье», в котором теоретически могла поместиться требуемая сумма.

Позвонив для вида по телефону, я сказал:

– В банке обед. Придется все же начать здесь, -- и подал знак персоналу.

Кольцо достали из сейфа. Пришедший с Гиви партнер -- ювелир, как давеча меня предупреждал клиент -- достал из кармана десятикратную лупу, присел к свету и начал изучать камень. Продолжалось это довольно долго, я сидел рядом, не спуская с них глаз. Наконец, закончив внешний осмотр, он достал из кармана небольшую белую пластмассовую баночку с крышкой, точь-в-точь

такую, в которой продаются фирменные лекарства, влил в нее содержимое из двух других принесенных им пузырьков, опустил туда кольцо и защелкнул крышку. После этого он протянул мне баночку и сказал:

-- Пусть постоит в сейфе около часа. Камень захватан руками, и его нужно идеально отмыть.

Я взял баночку в руки. Там -- совершенно очевидно -- лежало кольцо. Только вопрос -- какое? Мое или ловко подмененное ювелиром, если бы он оказался жуликом?

Я попробовал открыть крышку. Она не поддавалась.

-- Открой, -- попросил я.

-- Зачем?

-- Я забыл записать номер кольца. Боюсь, забуду потом.

Повод был сильно надуманный, но в данном случае, особенно принимая во внимание сумму, стесняться не приходилось.

Ювелир открыл баночку. На дне, совершенно очевидно, лежало мое кольцо. А жидкость пахла нашатырем. Что же, все правильно. Бриллианты действительно моют в нашатырном спирте.

Я собственноручно закрыл баночку. С сухим щелчком крышка плотно села на свое место. Поставив баночку в сейф, мы вышли из салона и направились в бар гостиницы, чтобы скоротать время, пока «моется» бриллиант.

Опять мы мило беседовали, сидя за кофе. И опять никакой информации о роде занятий, месте жительства и планах моих клиентов я не получил. Только несколько раз была названа Москва, да несколько слов о том, что мои новые друзья, изрядно заработав, теперь отдыхают и думают о новых для себя видах бизнеса, а так -- ничего значительного или же компрометирующего.

Так ничего и не узнав, я решил сам кое-что рассказать, чтобы у собеседников не сложилось обо мне неправильное представление. Чтобы им в случае чего не пришлось в голову меня надуть. И я рассказал случай в аэропорту Домодедово, когда двое «случайных попутчиков», оказавшиеся картежниками и жуликами, попробовали меня обыграть и что из этого вышло. По-моему, этот рассказ произвел на слушателей некоторое впечатление.

Мы допили кофе и вернулись в салон.

Обследование кольца продолжалось. И меня мало-помалу это уже начинало раздражать. Но хотя у меня и было много дел, я, не спуская с ювелира глаз, сидел как приклеенный, пока он изучал камень в лупу.

Процесс мытья захотели повторить опять. И опять я собственноручно положил кольцо в баночку и закрыл сейф. И опять мы коротали время за чашкой кофе в баре. Наконец, после очередного мытья и разглядывания, ювелир отложил кольцо, устало откинулся на спинку стула и сказал:

-- Камень чистый. Это безусловно. Но вот цвет... По-моему, он к вечеру уже не такой голубой, как был утром...

Тут уж меня прорвало. И я сказал, что если чистота камня требует специальных навыков в определении, то для того, чтобы не видеть явный голубой цвет, нужно быть дальтоником. Тем более что под носом у него документ, швейцарский сертификат. И что вообще ни в одной крупной ювелирной фирме мира ему бы не позволили подобные манипуляции, а просто показали бы вещь и назначили цену. И что он покупает кольцо не на рынке, а в салоне всемирно известного ювелира.

-- Вы слышали, что под действием специального облучения камни приобретают легкий оттенок или же, наоборот, из них временно уходит желтизна? -- спросил ювелир.

-- Да, я слышал.

-- Ну вот. Поэтому мы придем завтра и, посмотрев последний раз -- свежим глазом, при ярком дневном свете, -- купим кольцо.

Я чуть не поперхнулся от злости. Это мне-то не доверяют! И уже было открыл рот, чтобы сказать этим двум мордам с лицами <<кавказской национальности>>, что я о них думаю, но сдержался. И, как выяснилось позже, правильно сделал.

Всю ночь я не спал. Ворочался, вставал, курил, снова ложился, но заснуть не мог. Я строил предположения, догадки, просчитывал ситуацию, анализировал мелкие детали поведения моих вчерашних клиентов.

Я вспоминал вновь и вновь наши разговоры, длинные лайковые плащи, в которых все время пребывали клиенты, отсутствие визитных карточек, телефонов и фамилий, странное длительное мытье кольца, баночку и лупу, оставленные ими в салоне как будто случайно. Их частые выходы в туалет и многое, многое другое.

К утру картина происходящего стала мне совсем ясна. Безусловно, передо мной два мошенника. И их задача -- завладеть кольцом даром, наши взаимоотношения никогда не дойдут до расчета и подсчета кучи долларов, так что все мои приборы для определения подлинности купюр ни к чему.

Очевидно, задачей мошенников было на какой-то момент оставить баночку пустой, без кольца. Так как каждый раз кольцо «мылось» не менее получаса, за это время один из них может отлучиться в туалет, скажем, и более уже не вернуться. Второй же -- попросту сбежит или же может и остаться до конца, вплоть до прихода милиции. Все равно доказать мне ничего не удастся, и, даже арестовав, его отпустят за недоказанностью через двое суток (а то и раньше, сейчас ведь за деньги все можно).

В первый день этот номер не прошел. Я все время был внимателен, не стесняясь проверять наличие кольца перед нашим уходом из салона в бар, двери салона каждый раз закрывались, но постепенно мое внимание должно было ослабнуть, и они это чувствовали.

Поэтому и приучали меня к своим отлучкам и возвращениям, поэтому и старались подружиться со мной, уверить в своих обширных совместных планах на будущее, предлагали закупать мои изделия оптом для продажи в Москве, открыть магазин «Ананов» и т.д. Поэтому и оставили баночку, чтобы я так же привык к ее внешнему виду и постоянному нахождению в офисе.

Стоп! Баночка! Вот в чем гвоздь программы! Не зря она так плотно закрывается! Расчет строится на том, что перед последним «мытьем» в баночке должно находиться уже другое кольцо или предмет, похожий на кольцо по весу. А это значит, что баночек таких -- две. И одна из них еще не появилась на сцене и появится завтра. На языке мошенников это называется «сменка». И пока эта «сменка» будет мыться в сейфе, «клиенты» исчезнут. Или же спокойно выйдут поодиночке в туалет, и кто-нибудь из них передаст украденное у меня кольцо кому-то третьему. И что бы я ни обнаружил в баночке после «мытья», в их отсутствие или при них, это уже не важно. Опять-таки доказать кражу или подмену не удастся.

Мне все стало ясно. Плащи не снимаются, чтобы в любой момент можно было исчезнуть. Из кармана широкого плаща проще всего достать «заряженную» баночку-«сменку», и туда же проще спрятать украденное кольцо. И завтра утром должна наступить развязка.

Передо мной стояла дилемма -- как поступить наутро. Конечно, я мог не вынимать больше кольцо из сейфа и, сославшись на некоторые обстоятельства, объявить, что я передумал его продавать.

Но меня уже обуял азарт. Мне хотелось, с одной стороны, убедиться в правильности моего домашнего анализа, с другой стороны -- продолжить

опасную игру и наказать мошенников, переиграть их, припереть к стенке, отомстить за потраченные нервы и компенсировать потерянное время.

И я решил доиграть партию до конца.

На этот раз я пришел на свидание за полчаса до назначенного времени. Проинструктировал охранника и убрал в карман баночку из-под лекарств, демонстративно оставленную жуликами накануне на столе. В шкафу была приготовлена другая баночка, примерно такого же объема, но прозрачная -- из стекла. Я решил не рисковать. Просто, если мои догадки оказались правильными, в отсутствие оставленной накануне баночки вся операция со «сменкой» немедленно провалится. И под любым предлогом жулики вынуждены будут отказаться от сделки. Кстати, они опять должны были бы явиться без чемоданчика с деньгами. Ведь если их операция удавалась, они, подменив баночки, уйдут как бы за деньгами. Если же что-то случится, то жулики ничем, кроме телесных повреждений, не рискуют.

Ровно в назначенное время появились «клиенты». Опять в длинных лайковых плащах. В руках у них ничего не было. Итак, моя первая догадка подтвердилась.

Клиенты зашли в служебную комнату. Я позвал охранника и, улыбаясь, торжественно сказал:

-- Поухаживай за гостями, повесь одежду на вешалки. Господа, ваши манто.

Гости слегка замешкались, однако сняли плащи, а увидев, что вешалка находится рядом, за ширмой, успокоились.

-- Прошу! -- пригласил я. -- Сначала -- чашка кофе. А то я еще не успел второпях.

Мы снова поднялись в бар под названием «Мезонин». Усадив «гостей» за столик в середине большого зала, я направился к стойке сделать заказ. Позвонив от стойки по внутреннему телефону гостиницы, я сказал охраннику:

-- Проверь карманы плащей. Там должна быть точно такая же баночка, как та, что стояла у нас на столе.

Я вернулся к столику, но через минуту меня позвали к телефону. Звонили из салона:

-- Все в порядке. Баночка в кармане. В ней что-то лежит.

-- Хорошо. Пусть себе лежит. Запомни, в каком плаще.

Мы допили кофе и, оживленно беседуя, направились в салон.

-- Ну что ж, смешивайте ваши растворы, -- сказал я «ювелиру», когда мы снова оказались в служебном помещении -- и сделал знак охраннику достать из сейфа кольцо.

«Ювелир» присел к столу, проинструктированный охранник делал вид, что открывает сейф.

-- А где моя баночка?

-- Я не знаю, -- растерянно произнес охранник. -- Может быть, уборщица смахнула... Я сейчас поищу.

Поискав немного, он достал из шкафа приготовленную мной стеклянную прозрачную банку.

-- Вот, может, эта подойдет... Тоже с крышкой...

«Ювелир» решительно отказался. Он плел что-то насчет осадка, вреда дневного света для раствора, и все, к сожалению, стало совершенно очевидно. Партия переходила в эндшпиль.

-- Простите, -- сказал я. -- У меня к вам вопрос. Если учесть, что сегодня вы пришли принять окончательное решение, то где ваши деньги?

«Гости» начали дружно жаловаться на опасность передвижения по Петербургу для «лиц кавказской национальности», на то, что их запросто могли

бы остановить для проверки документов, задержать, отнять в милиции деньги, вообще убить и т.д.

-- Без денег я вам кольца не покажу.

«Клиенты», поняв, что афера не состоится, начали собираться на выход, попутно осыпая меня упреками и заявив вдобавок, что напрасно потеряли три дня.

И тут меня прорвало.

-- Минутку, -- сказал я. -- Все же без покупки вы отсюда не уйдете. А то, в самом деле, я тоже потерял с вами три дня. А они у меня дорогие.

Я позвал охранника и двух других менеджеров. Удивленные гости снова уселись на диван.

-- Уважаемые жулики! Если кто-нибудь из вас будет вести себя неблагоразумно, я нажму вот эту кнопку, и через десять секунд сюда нагрянет ОМОН. Так что сидите смирно и наблюдайте. Перед вами плащ из лайки. Узнаете? Чей это плащ?

Хозяева плаща молчали. Затем «ювелир» сказал:

-- Кажется, мой.

Оба жулика были явно расстроены.

-- Ну вот и прекрасно. Посмотрим, нет ли там чего-нибудь интересенького?

Я вытащил из кармана и поставил на стол баночку, лежавшую в плаще. В ней явственно находилась какая-то жидкость и что-то металлическое. Я открыл крышку. Запахло нашатырем; в баночке лежало кольцо, отдаленно напоминающее мое. Я достал из кармана вторую баночку, оставленную гостями накануне, поставил рядом и перетасовал баночки, точь-в-точь как «наперсточники» на рынке.

-- Сейчас предлагается угадать, какая баночка пустая, а какая со «сменкой». Угадаете -- отдаю обе бесплатно. Не угадаете -- это будет стоить пять тысяч баксов. Будете дергаться -- вызову ОМОН и сдам под протокол, подписанный тремя свидетелями. Да и улики налицо.

Мошенники молчали. Затем «ювелир», деланно рассмеявшись, ткнул пальцем -- вот эта. Открыли крышку. Внутри пусто.

-- Приятно иметь дело с профессионалом! -- сказал «ювелир». Оба встали.

- Не торопитесь. Двери закрыты. Или деньги, или ОМОН. Решайте быстро.

Пяти тысяч у них не было. Но около трех все же набрали.

- Ну, поздравляю с покупкой -- сказал я и протянул баночки из-под лекарств...

МОНТЕ - КАРЛО

Итак, выставка в милом французском Монтелимаре заканчивалась.

Последние дни я время от времени ни с того ни с сего почему-то глупо улыбался. На самом же деле я, увлеченный детскими воспоминаниями и семейными преданиями о дедушке, страстном игроке, проигравшем в Монте-Карло состояние и конный завод, улыбался своим мыслям, предвкушая поездку в страну юношеских грез -- Монако. Однако не только казино взволновало меня в Монако.

Очутившись на выдавшем виды, далеко не роскошном <<мерседесе>> в центре Монте-Карло, на площади Казино перед <<Отель де Пари>>, окруженный комфортом и роскошью, я слегка растерялся, почувствовал себя неестественно маленьким и незаметным. Вокруг меня сновали роскошные автомобили, сделанные по спецзаказу, шумела сытая, важная публика в смокингах и бриллиантах, плыли на длинных ногах голливудские девицы, сияло солнце, дул с моря прохладный ветерок, доносилась отовсюду сладкая музыка свободы. Я почувствовал себя беспородным бродячим кобелем, попавшим случайно на выставку породистых комнатных собачек.

Погрустив немножко, я взял себя в руки и, припарковав свой старенький лимузин подальше от глаз импозантного швейцара, ленивой походкой прогуливающегося миллиардера направился к отелю.

Я снял дорогой номер в <<Отель де Пари>>, разложил свои нехитрые пожитки, прошел в ванную комнату, больше похожую на гостиную, нырнул в роскошную пену и задумался. Я никого здесь не знал. Я знал только одно -- я могу прославиться в этом раю, наполненном миллионерами и снобами, только через свой труд -- коллекцию ювелирных изделий -- да здоровый русский авантюризм. Но с какой стороны начать...

В этот момент в дверь постучали. Вошедший -- вышколенный до блеска официант -- поставил на стол бутылку шампанского в ведре, прислонил к ведру конверт и испарился, двигаясь вежливым задом мимо открытых дверей ванной.

Это был стандартный жест гостиницы, приветствовавшей нового клиента. Тем более что стоимость шампанского наверняка будет учтена при расчете или изначально входит в стоимость номера. В конверте, конечно, лежала визитная карточка директора, на которой дежурный менеджер нацарапал несколько вежливых слов.

И меня осенила идея.

Я приготовил пасхальное яичко, точь-в-точь такое, какое показывала госпожа Собчак французам на приеме в Париже, написал на своей визитной карточке, как я счастлив оказаться в <<Отель де Пари>>, и отослал с курьером директору. Если он окажется на месте, то обязательно позвонит. Потому что я наверняка первый идиот, посылающий драгоценный подарок в ответ на казенное шампанское.

В ожидании звонка я распаковал коллекцию и устроил в номере что-то вроде выставки.

Как я и рассчитывал, звонок не заставил себя долго ждать. Остальное было делом техники. Директор пригласил меня на чашку кофе, я пригласил его на домашний вернисаж.

Директор отеля был потрясен. Он с неподдельным интересом рассмотрел изделия, а потом сказал:

-- Я знаю, кто вам нужен. Вам нужен Андре Рольфо Фонтана. Это по его части. Я вас представлю.

Месье Рольфо Фонтана оказался заведующим всеми выставками в княжестве, близким другом князя Ренье III.

Он вскоре появился в сопровождении белокурой ассистентки. Он и в самом деле выглядел как весьма важный господин. Важно осмотрев изделия, важно развалился в кресле, вытянув ноги, давая понять всем своим видом, что -- он здесь царь и бог, а уж совсем не князь Монако, и тоном знатока произнес:

-- Ну что ж, вы обладаете неплохой коллекцией Фаберже, господин Ананов.

-- Как вы смогли так быстро определить автора? -- наивно воскликнул я.

-- Я много повидал на своем веку, -- довольно и снисходительно улыбнулся месье.

-- Я крайне польщен вашей оценкой, мне, право, неудобно, но должен признаться, что это не Фаберже. Это -- Ананов. И это сделано сейчас, в России.

Самодовольная улыбка месье слегка полиняла. Он даже как будто чуть покраснел. Но быстро справился со смущением и элегантно поклонился -- <<мои поздравления>>.

В конце визита я получил приглашение приехать в Монте-Карло с коллекцией изделий во время русского Рождества, праздновавшегося в Монако все годы советской власти, на десять дней, на все готовое, оплаченное правительством, а через два дня в центральной газете побережья, «Нис матэн» -- на самой лучшей, последней цветной странице, под рубрикой «Звезды сезона», -- появилась моя фотография на фоне коллекции и большая хвалебная статья. С фотографии глядел на читателей респектабельный господин в белом костюме, знающий себе цену и вполне отвечающий названию газетной рубрики.

Месье Андре Рольфо Фонтана оказался джентльменом.

Первая выставка в Монте-Карло, в декабре 1991-го -- январе 1992 года, прошла успешно, и я получил приглашение на следующий год прибыть снова. Отчасти, благодаря восторженным откликам публики, отчасти благодаря благородству Андре, отчасти благодаря нашему новому другу, принцу Луи де Полиньяку, ныне, к сожалению, покойному, отчасти благодаря подарку, изготовленному загодя специально для князя Монако Ренье III и врученного от моего имени все тем же очаровательным Рольфо Фонтана.

Итак, я продолжал штурм Монте-Карло. Последней высотой был Бал Красного Креста.

Наступил уже 1994 год. К этому времени мои позиции в Монако были прочными: я вошел в круг высшего общества Монте-Карло, здесь состоялись три различные мои выставки, весной на Балу Роз я прославился, изготовив символ и первый приз Бала -- розу из белого камня кахолонга, с листьями из зеленого нефрита, на золотом стебле, отделанном бриллиантами, в вазочке из горного хрусталя.

И вот пятого августа, за три дня до своего дня рождения, я должен был поставить финальную точку своего восхождения на вершины славы Монте-Карло. Пятого августа на благотворительном Балу Красного Креста я должен был выйти на сцену и торжественно вручить счастливцу специальное пасхальное яйцо, изготовленное в лучших традициях Фаберже и Ананова, утвержденное принцем Альбертом как главный приз Бала, разыгрываемый во время благотворительной лотереи.

Я придумал эту идею давно, когда оказался в качестве гостя на прошлогоднем балу. И хотя в тот раз я был приглашен перед началом бала на частный коктейль принцессы Каролины, что было особой честью, а во время ужина был посажен напротив принца де Полиньяка, что также было весьма почетно, я испытывал чувства, сходные с теми, что и в первый свой приезд. Этот зал, где сидели три тысячи богатых бездельников, смотрел не на меня, рукоплескал не мне и вообще не знал, что я здесь нахожусь. Это было для меня равносильно оскорблению. Зал аплодировал фирме <<Картье>>,

подарившей лотерее ординарное бриллиантовое кольцо, фирме <<Репосси>>, пожертвовавшей совсем уж ординарный золотой браслет, Карлу Лагерфельду, заставившему столы обычными духами.

Я перегнулся через стол к принцу де Полиньяку, протянул рисунок, сделанный только что на обороте меню.

-- Что это?

-- Это пасхальное яйцо с рубиновым красным крестом, мой подарок следующему Балу.

-- А что внутри?

-- Сюрприз.

-- Какой?

-- Это секрет.

Старичок принц надулся.

Я просто не успел придумать. Теперь же, застигнутый врасплох, я мгновенно сообразил и сумел вывернуться. Я улыбнулся:

-- Секрет, но не от вас, принц. Внутри яйца -- раскладная конструкция из пяти рамок, с миниатюрами семьи вашего брата. Только это строго между нами. Обещаете?

-- Ну, граф! Какой разговор... Это блестящая идея. Я сейчас же поговорю с Альбертом. А сколько будет стоить яйцо?

-- Для Бала -- несколько. Это мой подарок.

-- А какова может быть его оценка? -- не унимался старичок.

-- Не менее полумиллиона франков.

-- Очень хорошо, я сейчас же переговорю.

В конце ужина уже ползала присутствующих знали, что вон тот господин, граф Ананов из России, только что сделал князю Ренье III подарок -- пять золотых портретов, по миллиону франков каждый. И пока эта легенда, многократно увеличиваясь в цене, ползла по залу, принц Альберт уже дал согласие на все мои предложения и попросил прислать эскизы. Я же попросил его позировать для набросков будущей миниатюры и организовать встречу с остальными членами семьи, а также обеспечить меня различными фотографиями принца и принцесс.

Через три дня я оказался во дворце. Мне посчастливилось подробно поговорить с умнейшим и обаятельнейшим князем Ренье, которому суждено было впоследствии сыграть важнейшую роль в жизни нашей семьи, пообщаться с красавицей принцессой Каролиной, обсудить детали проекта с принцем Альбертом, получить фотографии для написания миниатюр. Чести быть приглашенным во дворец удостоивались немногие.

Работа над подарком продолжалась всю зиму. Прекрасная художница-миниатюристка Нина Клейн очень удачно написала портреты семьи на тонких пластинках мамонтовой кости. Эскиз яйца был напечатан на обложке буклета, посвященного Балу. Наконец в мае я должен показать князю Ренье готовые миниатюры и закончить изделие.

Но за две недели до моего назначенного заранее визита к князю случилось несчастье.

Как обычно, после работы в мастерской я уехал в наш магазин, в гостиницу «Европа». Перед магазином зашел домой выпить кофе. Жена попросила на обратном пути заехать в аптеку за лекарством для младшей дочки, Настюши, болевающей, кажется, простудой.

Не успел я войти в магазин, раздался телефонный звонок. Звонила жена.

-- Скорее... Настя умирает... -- И слезы.

Через пять минут я примчался. Картина была ужасная. Глаза ребенка закатились, все тело сотрясали крупные судороги. Около дочки суетились врачи приехавшей «неотложки».

Как выяснилось, была необходима детская реанимационная машина. Но она ехать не хочет.

Я набрал номер реанимации. Суконным голосом диспетчер ответила, что в городе только две реанимационные машины, одна из них сейчас занята, а другая находится далеко, в Купчине.

-- Пока машина доедет, ребенок ваш, судя по рассказу врачей, умрет.

Я попросил к телефону главного врача и сказал медленно и отчетливо:

-- Если к тому времени, когда приедет машина, ребенок умрет, это будет только наше горе. Но если машина вообще не приедет и ребенок умрет, то это будет и твое горе тоже. Я приеду и кончу тебя прямо сегодня. Понял?

Он понял. Через пятнадцать минут машина была около дома.

Ребенка спас чудесный доктор Бондарь, врач «неотложки». Он делал крошечному существу, которому был всего год, искусственное дыхание <<изо рта в рот>>, массировал сердце, делал уколы. Наконец привезли кислород. Щечки Насти стали медленно розоветь, она пришла в себя. Ее нужно было перевозить в больницу. Но врачи наотрез отказались везти в медтранспорте, -- видимо, боялись ответственности. Я повез Настюшу в больницу сам.

Первое, что произошло в детской больнице, в Педиатрическом институте, я не забуду никогда. Две дюжие сестры прижали к кровати крошечное тельце, а третья, без наркоза, толстой иглой проколола ребенка. Это у них называется «пункцией спинного мозга». Хотел бы я видеть того садиста, который придумал эту жуткую пункцию. Ребенок кричал жалобно и беспомощно, я стискивал кулаки и зубы, и забыть это невозможно.

В итоге с букетом диагнозов -- энцефалит, менингит, водянка мозга -- ребенок и мама остались в больнице, и в течение десяти дней Настю мучили, подвергая различным медицинским экзекуциям, кололи огромное количество разнообразных сильнодействующих средств. Тоненькие детские ручки были сплошь исколоты тупыми иглами тупых врачей. Смотреть на это было больно.

Я должен был улететь в Монако, на заранее назначенную встречу с князем Ренье III. После долгих колебаний я улетел.

Князь принял меня во дворце, в своем кабинете. Он придиричиво разглядывал привезенные мной миниатюры и явно остался доволен. В итоге он дал «добро» на окончательную сборку яйца и, прощаясь, вежливо спросил:

-- Могу ли я чем-либо быть вам полезен?

-- Да, монсеньор. С моей дочкой несчастье. Мне срочно нужна консультация лучших детских врачей.

Через пятнадцать минут личный врач князя стоял около дверей моего номера, извиняясь, что не мог прибыть еще раньше. На следующий день прилетела из Петербурга жена с медицинскими документами и компьютерными исследованиями Насти. Консилиум, состоящий из лучших врачей Франции, исследовав анализы, без колебаний вынес вердикт:

-- Энцефалита нет.

-- Менингита нет.

-- Водянки мозга нет.

-- А что есть?

-- Есть реакция маленького ребенка на высокую температуру и преступная реакция врачей, накачавших девочку огромными дозами ненужных и вредных лекарств.

Через пять минут по телефону, под свою ответственность, я отменил все назначения и инъекции.

Недавно Настю исполнилось шесть лет. Мама души в ней не чает. Настя и в самом деле чудесная, спокойная и ласковая девочка с голубыми глазами и слегка вьющимися тонкими пепельными волосами.

Мы со старшей, Анютой, великодушно прощаем мамину неумную любовь к Насте. Правда, иногда немножко ревнуем.

ОТЕЦ

...В прихожей длинно-длинно, пронзительно в утренней тишине, звонил телефон. Трубку сняла жена. Я лежал в кровати, не в силах встать после выпитого накануне.

Не знаю почему, но я сразу понял все. Звонила мама.

У нас не было тогда машины. Наверное, мы добирались на такси. Но я не помню. Помню только, что ехал и молил Бога:

-- Только бы ошибка, только бы не до смерти, только бы остался жив.
Но я уже знал, как это произошло.

Когда мы подъехали, около дома, со стороны окошек, ничего не было заметно. И никого не было. Ни обычных в таких случаях зевак, ни «скорой» -- никого. И затеплилась надежда.

Ошибка. Какая-то ошибка.

Мы обошли дом кругом, и около подъезда я увидел несколько человек. Они стояли и смотрели на что-то.

Нет, не ошибка.

Но на земле никто не лежал. Только маленькая лужа крови около парадной. Мы прошли в подъезд, на четвертом этаже дверь в нашу квартиру была открыта. На кухне топтались незнакомые люди.

Каким-то не своим, но спокойным голосом я спросил, где он.

-- Вот там. -- Люди кивнули в сторону лестничного окна. Я подошел и выглянул.

Отец лежал вниз лицом на бетонном навесе над парадной.

Память не сохранила всего. Наверное, это хорошо.

Помню, я распоряжался, кого-то куда-то посылал, платил деньги, искал веревку, на которой я спустил отца с козырька парадной на землю.

В кухне двое мужчин, оказавшиеся следователями (им надлежит зафиксировать самоубийство), топтались около холодильника.

-- Эй, парень, ты не знаешь, у них выпить нет?

Я достал водку.

Дядька, помогавший мне спускать отца с козырька, оказался пожарным. Он тоже топтался около меня и сказал что-то вроде: <<Не наше дело самоубийц снимать... Наше дело -- пожары тушить...>>

Я дал денег.

Помню, кто-то сказал: <<Не выпускайте из квартиры мать...>>

Но она вышла, молча опустилась на колени прямо на землю около отца. Так мы и стояли на коленях около. Вся семья. Мама и Никита молча плакали. Кто-то подошел. Соседи. Я отогнал. У папы ноготь на правой руке был синий.

Зеваки стояли в нескольких шагах. Молча.

Потом приехала <<труповозка>>. Я попросил взять меня с отцом, до морга.

Труповозы заволновались. Заговорили, что не положено. Я дал денег.

Поехали.

Была жаркая осень. Около морга много людей. Холодильники переполнены, трупы некуда складывать. Плакали женщины, умоляя санитаров.

Я нашел старшего санитаря. Представился. Он назвал свое имя-отчество. Георгий Давидович. Дикое совпадение.

-- Принимайте, я вам тезку привез, -- сказал я. И дал денег.

Моего папу звали Георгий Давидович.

Я методично и четко, изредка прихлебывая из фляжки, лежащей во внутреннем кармане пиджака, отдавал распоряжения, устраивал все формальности.

Через три дня в назначенное время родственники и сослуживцы собрались около морга. Прощальный зал морга напоминал предбанник. Сновали люди, вносили и выносили гробы, в одном небольшом помещении одновременно прощались с покойными десять--двенадцать семей.

Я дал денег. Георгий Давидович перекрыл морг на сорок минут. По моему распоряжению меня позвали одного, когда гроб с телом отца вынесли из помещения, где готовили и одевали трупы, и поставили на пьедестал.

Около гроба бродили два санитар. Один старик, видимо не просыхавший с детства, другой -- юноша, очевидно новичок.

Отец был одет, крышка гроба стояла рядом. Лицо нехорошего землистого цвета, на лбу -- плохо загримированная ссадина, из уха на белое покрывало вытекла струйка темной крови. Черепная коробка сзади была вскрыта и зашита через край толстыми черными нитками.

-- Мужички, а чем вы его загримировали? -- спросил я.

Мне показали коробку театрального грима.

Я взял грим и начал работать. Старик что-то бурчал.

-- Учись, пока я жив, -- коротко сказал я. Он отстал и принялся наблюдать, все время балабона какой-то вздор -- то ли анекдоты, то ли просто чепуху.

Как когда-то в театральном институте на уроках грима, я аккуратно сначала положил на лицо вазелин, потом начал класть тон.

-- Да, изрядно... -- протянул сзади старик санитар. -- Чего, с работы кто?

Я молча заканчивал общий тон.

-- Чего, знакомый, что ли?

Я молча выравнивал неровности кожи, оттенял веки, подкрашивал губы.

-- Родственник, а? -- не унимался дед.

-- Отец.

Я неторопливо заканчивал грим.

Санитар замолчал и больше до самого конца не произнес ни слова.

Наверное, страшная была со стороны сцена.

Я закончил работу, привел маму и Никиту. Тут мама немного отвела душу и потом больше уж не позволяла себе, держалась.

Затем открыли двери, пустили остальных.

В тот день я бросил пить.

«ДВАДЦАТЬ ТРИ МАКСИМУМ»

...Шарик упал на цифру *двадцать три*.

Крупье сгреб проигравшие фишки. Теперь только одна ставка осталась на столе, ожидая выплаты. Зато какая ставка...

-- *Vingt-trois carr[ac]e, cheval et plein**, -- произнес крупье.

В русском переводе это означало, что все фишки, стоявшие на цифре *двадцать три* и вокруг, выиграла, что в сумме составляло двести семьдесят тысяч французских франков.

Проигравшие с завистью ожидали, кому же повезло.

Повезло мне.

Из всех сил я старался сделать спокойное, благородное лицо, лицо человека, для которого выигрыши и проигрыши -- дело привычное. Но сердце

* Двадцать три целиком (фр.).

бешено колотилось, и боюсь, что лицо потеряло свою благородную бледность, когда я получал выигрыш.

-- Messieurs, faites vos jeux**, -- напомнил крупье.

...Людей вокруг меня как будто больше не существовало. Ладони были мокрыми, в мозгу крутилось колесо рулетки. Внутренним зрением я вдруг увидел, как шарик, запрыгав, вновь падает на *двадцать три*.

Это было бы удивительно, несбыточно и нереально. Это бывает крайне редко. Но это бывает. И, подчиняясь какой-то неведомой силе, толкавшей меня в пропасть, я хрипло произнес:

-- Vingt-trois maximum***, -- и бросил крупье два только что выигранных жетона по сто тысяч франков каждый.

Это означало, что к выигравшей ставке, оставшейся на столе, я добавил до максимума, то есть четыре тысячи в центр, по десять тысяч на «шеваль» и по двадцать две тысячи на «каре». Всего на цифре *двадцать три* и вокруг стояло сто пятьдесят тысяч франков.

Видавший виды крупье улыбнулся мне приветливо, как черт -- очередной жертве своего адского притона. Время тянулось мучительно. Наконец все ставки были сделаны, и шарик бешено завертелся вокруг медленно вращающегося колеса.

Я не выдержал напряжения и отошел от стола, с трудом протиснувшись сквозь толпу игроков и зевак.

Отойдя в дальний угол казино, я посмотрел в зеркало. На меня глядел подтянутый джентльмен в смокинге, с блестящими от возбуждения глазами, но с относительно приятным лицом.

-- Ну что ж, -- сказал я себе, -- азартен ты, Парамоша. Ушел бы, унес бы двести семьдесят тысяч. Так нет, ему тут же засунуть их надо коту под хвост. На что ты надеешься, идиот! Что произойдет чудо? Мальчик! Унеси отсюда хотя бы оставшуюся сотню тысяч! И вообще, пора уже идти к дверям. Выдача для тебя закончена.

У самых дверей зала я задержался и стал издали смотреть на электронное табло, возвышавшееся над столом. Вдруг колонка цифр дернулась и перескочила вверх. Появилось новое выигравшее число.

Оно было красное. Оно было двузначное. Если окажется *двадцать пять* или *двадцать семь*, то, значит, я зацепил одно «каре» и вернул свои деньги да еще и выиграл сорок две тысячи.

Я медленно пошел к столу.

В этот момент игроки, закрывавшие спинами рулетку, стали оглядываться, словно ища кого-то. Я догадался, что произошло нечто невероятное, и сердце замерло.

Увидев меня, игроки молча расступились. Вид у них был такой, будто сейчас вынесут покойника. В полной тишине вдруг истерически засмеялась пожилая дама...

На опустевшем столе стояла только одна ставка.

-- Vingt-trois, carr[ac]e, cheval et plein.

** Господа, делайте ваши ставки (фр.).

*** Двадцать три максимум (фр.).

Случилось невозможное. Судьба подмигнула мне. Черт, хозяин вертепа, то ли проглядел, то ли затеял со мной отчаянную игру, пытаюсь заполучить мою душу.

Публика молчала. Краем глаза я заметил, как побежали, побросав игру, от других столов. Побежали, чтобы своими глазами увидеть чужие деньги.

Ах, как дружно ненавидели меня в эту минуту собравшиеся в роскошном старинном зале люди. Причем, заметьте, далеко не бедные люди. Ах, как я был счастлив! Я, русский, чудом уцелевший в мясорубке советской жизни, своими руками схвативший судьбу за рога, пригнул-таки ее к земле. Смотрите на меня, тухлые миллионеры! Вам не дано ставить дважды до максимума. Кишка тонка. Это только мы, русские, можем! Это мы по наследству от наших предков получили! А вы не получили. И не получите никогда!

А теперь -- смотрите. Сейчас я вас добыю. И вы, суки, уже никогда не забудете этот удар.

Я сделал знак крупье. Он понял, позвал дежурного по залу, тот позвал еще одного. Со специальным ящиком. В него аккуратно сложили мой выигрыш, около двух миллионов франков, и понесли в отдел депозита. Как в сберкассе.

-- Вы продолжаете игру? -- спросил крупье.

-- Нет, -- ответил я.

-- Вы снимаете ставку? -- спросил крупье.

-- Нет, -- ответил я, -- это вы ее снимаете. Это -- ваши чаевые.

-- Месье, это очень много... Кто вы?

-- Я русский.

Я вышел из казино. Крупье провожали меня стоя.

* * *

Мой дедушка умер, практически не узнав революции, в начале двадцатых годов, в городе Княгинине. Он был блестящим офицером, аристократом, игроком. В детстве я нашел на чердаке бабушкин архив, где в деревянном ларце лежали пожелтевшие письма, фотографии, открытки. На одной из них было изображено красивое величественное здание, а под ним подпись: <<Казино Монте-Карло, 1912 год>>. На обороте, почерком моего дедушки, черными чернилами было написано: <<Ma ch[ac]ere*, не грусти, все, что ни делается, все к лучшему. Прости меня, но я проиграл наших лошадей на vingt-trois. Ну и бог с ними. Нынче овес сильно подорожал...>>

Мама рассказывала мне, что где-то у нас был конный завод, более двухсот породистых лошадей. Дед проиграл их в один вечер.

На всю жизнь я запомнил величественное здание на открытке, надпись: «Монте-Карло, 1912 год», и цифру *двадцать три* -- vingt-trois, которая отняла у дедушки конный завод. Хотя дедушка оказался прав, говоря, что все, что ни делается, -- к лучшему. Через пять лет конный завод все равно отняли бы большевики.

Я очень много думал о дедушке, проигравшем лошадей. Я представлял себе, как он, в белом смокинге или мундире, но обязательно в белом, легкой походкой входит в величественное здание, бросает перчатки в мягкую шляпу или фуражку, услужливо подхваченную служителем, и легкой походкой, стройный, высоко подняв красивую голову, входит в игорный зал. Вытаскивает тонкими пальцами длинную папиросу, затягивается тонким дымом и, поставив бокал, небрежно бросает крупье: <<Vingt-trois maximum>>. И улыбается ослепительно сидящей напротив даме в белой шляпе.

* Дорогая моя (фр.).

Стоило ли говорить, как билось мое сердце, когда я впервые, в 1992 году, подъезжал к Монте-Карло на одолженном у приятеля старом «мерседесе». Я ничего не сказал жене. Я ехал на свидание со своим детством, с дедушкой, жившим в моем воображении, я хотел вдохнуть в себя вкусный табачный аромат казино, войти с гордо поднятой головой в величественное здание, чтобы потом, когда-нибудь, сказать себе: <<Я был там же, где он, я чувствовал то же, что и он, я продолжил течение времен. Милый дедушка, ты был во всем прав. Ты жил ярко и умер, не испытав позора. И все, что ни делается, -- к лучшему>>.

Вопреки советам скупердяя приятеля, я поселился не во второразрядной гостинице, а в <<Отель де Пари>>, хотя номер в нем стоил очень дорого, а был я в ту пору небогат (впрочем, и в эту пору тоже).

Я не имел какого-то особого плана действий. Я просто приехал завоевать Монте-Карло. Мне повезло. Я встретился с нужными людьми, договорился о моей первой выставке в Монако, дал интервью местной газете и на второй день отправился покупать белый смокинг, готовясь к походу в казино. Белый смокинг удивительно шел мне, и надолго я стал клиентом магазина одежды фирмы «Жан-Жак».

Положив в карман сумму, которую я мог себе позволить проиграть, -- около тысячи долларов, -- а в другой карман двести франков, чтобы, проиграв, дать крупье на чай, я отправился в казино.

Надо ли говорить, что я ставил только на «vingt-trois» и, представьте себе, в первый же вечер ушел с выигрышем, небольшим, однако в несколько раз превышающим мой «первоначальный капитал». Вернувшись в отель, я стал анализировать свою игру, пытаюсь понять, почему же, при таком исключительном везении, я выиграл не слишком много. И я сделал вывод, что играл мелко.

На следующий день, положив в карман все выигранные накануне деньги, я начал играть ровно в десять раз крупнее. Я сказал себе, что выигранные деньги мною не заработаны и, следовательно, жалеть их не приходится.

Все, что ни делается, -- к лучшему.

В тот вечер я выиграл более двадцати восьми тысяч долларов и стал игроком.

* * *

Я бродил по Монте-Карло -- внешне спокойный, неторопливо-беспечный человек, -- пил кофе в уличных бистро под зонтиками, улыбался прохожим, смотрел вокруг блестящими от возбуждения глазами -- и ничего не видел.

Я играл.

И если снаружи, как мне казалось, я был спокоен и нетороплив, то внутри обстояло иначе. До сих пор, не успокаиваясь, толчками пульсировала кровь, нервы были натянуты как струны и тихонько звенели. Вновь и вновь я ставил на *двадцать три*, откручивая как бы назад кинофильм казино, вновь колебался, вновь рука уже тянулась поставить по тысяче на сектор, где были *восемь, одиннадцать, двадцать четыре и тридцать*. И вдруг как бы со стороны я слышал свой хриплый голос, произносивший удивительный заказ, уникальный в своей нелогичности.

Самое удивительное, что меня тянуло обратно. В казино. Адреналин требовал выхода, ноги сами поворачивались в сторону центральной площади Монте-Карло. Но я знал, что ни в коем случае не должен больше играть в этот приезд. Потому что наверняка проиграю, и дело даже не в деньгах, а в том, что праздник будет испорчен. И потом, было как-то неловко. Одно дело -- легко выиграть два миллиона и легко уйти, бросив на чай крупье его полугодовой заработок. И другое дело -- вернуться, расписавшись в своей зависимости от призрачной заманчивости легкого выигрыша.

Но адреналин вырабатывался произвольно, будоражил душу, требовал выхода. Надо было что-то придумать, отвлечься от мыслей об игре.

Из открытого окна доносился скрипичный концерт Вивальди. Кинолента образов продолжила музыку: скрипка, старый американский фильм «Рапсодия», главный герой, его богатая любовница, подъезжающая за ним на «мерседесе». Скрипач элегантно перешагивал через борт, не открывая дверцу двухместной спортивной машины...

Я придумал. Я выполню несбывшуюся мечту юности -- я куплю роскошную машину и, пусть я уже не так молод и элегантен, перешагну-таки через борт, хоть раз в жизни. Я оставлю вещественную память об этом сумасшедшем «вен трау», я куплю шикарную машину и тут же уеду на ней в Париж, уеду из этого дьявольского города, полного соблазнов, я избавлюсь от магического притяжения казино.

Вернувшись в отель, я попросил Жака, консьержа, обзвонить гаражи лучших автомобильных фирм мира.

Несмотря на приближающееся окончание рабочего дня и начало священного для французов уик-энда, через час пять роскошных лимузинов окружили клумбу напротив «Отель де Пари». Прекрасная погода и толпа туристов дополняли картину.

Я обстоятельно обошел машины. Каждая из них была по-своему хороша. Я ходил вокруг и размышлял.

«Роллс-ройс», белый, открытый, чем-то напоминает открытый гроб. Нет, я еще не так стар для этого катафалка.

«Порш», черный, приземистый, маленький, но какой-то легкомысленный, молодежный. Машина для сопливых миллионеров.

«Феррари». Модно, ярко, но уж очень неприлично. Какая-то чрезмерно наглая машина.

«Ягуар». Хорош. Эту марку мы, советские люди, наизусть знали из романов Хемингуэя. Но «мерседес»...

Низкий, словно присевшая обаятельная лягушка, безупречно элегантный, вишнево-перламутрового цвета, с автоматически отскакивающей металлической крышей, что за несколько секунд превращает его в кабриолет, с автоматически открывающимся кожаным тентом, одно название модели чего стоит: «род стар» -- звезда дорог. И в него можно сесть, элегантно перекинув ногу через борт, не открывая дверцу.

Двухместное чудовище с мотором мощностью около четырехсот лошадиных сил. Материализованная мечта, главный герой юношеских мечтаний.

Я выбрал. Я забыл спросить о цене. Мне до чертиков хотелось скорее сесть за руль. Так и подмывало сказать: «Дяденька, дай прокатиться». И я сказал. И он дал. Я сел за руль, и мы медленно и важно покатали по улицам Монте-Карло, мимо завистливо глядящих вслед прохожих, вежливо улыбающихся полицейских, в сторону лазурного моря.

Сидевший в машине клерк фирмы «Мерседес», несколько нагловатый молодой итальянец, изо всех сил старался держаться солидно и корректно. Однако нет-нет да и вылезала из него противная интонация своего превосходства над этим русским, вылезало тщательно скрытое негодование оттого, что это я хозяин, а он -- слуга, а не наоборот.

И тут, в отместку, в голове моей созрел дьявольский план. Я придумал финальную сцену спектакля, начавшегося в казино. По всем законам классического искусства в казино этот спектакль должен и закончиться.

-- Ну что ж. Машину я беру. Говорите цену.

Он сказал. Явно прибавив процентов двадцать, в расчете на торговлю. Но я не стал торговаться.

-- В понедельник, если вы придете, -- опять с издевкой произнес «Мерседес», -- мы ее оформим.
-- Мы ее сегодня оформим, -- тоном, не допускающим возражений, сказал я.
-- Но сегодня банки закрыты. Уже поздно.
-- Наличные возьмете?
-- Да... -- неуверенно и обескураженно выдавил «Мерседес».
-- Пошли.

Мы припарковали машину и направились в сторону отеля.

План мой был основан на том, что выигрыш хранился в депозитном отделе казино. Оттуда его можно было получить в течение одной минуты, правда жетонами, а не наличкой. Достаточно было сделать знак крупье и расписаться в персональной карточке, не отходя от игорного стола.

Выйдя на площадь, мы свернули в сторону казино.

Вначале «Мерседес» шел за мной безропотно, думая видимо, что я веду его в сейфы отеля. Но, увидев перед собой ступени казино, забеспокоился.

-- Пойдем, пойдем, -- тянул я его за собой.

-- Зачем? -- не понимал «Мерседес».

-- Это недолго. Минут пять--десять. Сейчас я выиграю... сколько ты говорил?.. Ну вот и рассчитаемся.

<<Мерседес>> пришел в ярость. Презрение к идиоту-русскому, замешательство, огорчение по поводу загубленного уик-энда и еще многое-многое другое было написано на его наглой морде крупными буквами.

Я затащил его в казино чуть ли не силой.

-- Постой рядом, это недолго. Минут десять.

Я достал из кармана некоторую сумму и начал играть. «Мерседес» стоял, всем своим видом показывая, что он обо мне думает.

Минут через пять я сделал вид, что закончились сигареты в пачке. И отправил его в бар за «Мальборо».

Остальное было делом техники.

Пока он отсутствовал, мне принесли жетоны из депозита. К тому же в момент появления «Мерседеса» с сигаретами я еще и выиграл. Полную ставку на *тридцать два*.

Около меня на столе лежала куча жетонов по сто тысяч франков каждый. Туда же я сгреб и новый выигрыш -- еще сто тридцать четыре тысячи.

-- Вот видишь, я же говорил... -- мягко сказал я. -- Всего-то делов -- минут десять. А ты не верил...

«Мерседеса» хватил столбняк. Он тупо смотрел на жетоны, на стол, зачем-то оглянулся, как бы убеждаясь, что все это не во сне. Он молча шевелил губами -- то ли молился, то ли ругался, то ли делил в уме мой выигрыш на свою зарплату.

-- Пошли, -- поднялся я из-за стола, распахивая по карманам жетоны.

Он поплелся за мной к кассе, где нам долго отсчитывали наличку, а затем погрузили ее в две бумажные сумки, точь-в-точь как картошку в супермаркете. Пока мы ожидали погрузки, я спросил «Мерседеса»:

-- Сколько «лошадей» в двигателе?

-- Около четырехсот.

-- Ну что же. Мой дедушка проиграл здесь конный завод сто лет назад.

Двести породистых лошадей сегодня я отыграл. Понимаешь, парень?

Парень с готовностью кивал головой, как тряпичный, и услужливо улыбался. Он уже окончательно потерял способность что-нибудь понимать. Только иногда шевелил губами, словно жевал траву.

Через час, элегантно перешагнув через борт, я уже мчался со скоростью двести шестьдесят километров в час навстречу Парижу, навстречу ничего не

подозревающей жене, летевшей из Петербурга, навстречу своей счастливой судьбе.

Мой ангел-хранитель, хлопая крыльями, еле поспевал за мной.

ВАЛЯ ПАРВОВА

Мы встретились летом, на «Ленфильме». Я только что закончил первый курс режиссерского факультета Ленинградского театрального института. Я был мальчишкой, мне было двадцать три.

Она закончила тот же институт, но на шесть лет раньше, поработала в крупных театрах России. Ей было около тридцати.

В тот день мы заложили за бутылку водки Валины часы и проснулись утром на раскладушке в кухне у приятеля-актера. А проснувшись, не расставались целых пять лет.

Я перевелся на заочное отделение режиссерского факультета, и мы работали вместе, где только могли, -- на радио, на телевидении, в кино. Потом уехали в театр -- сначала в Казань, а затем в Петрозаводск. Одно время Валя работала в Театре драмы и комедии на Литейном, но потом начались конфликты с главным режиссером, и ей пришлось уйти.

Мы жили трудно, но красиво и весело. Иногда бывали «богатыми», получив гонорар за «елочную кампанию», где я играл Деда Мороза, а Валя, соответственно, Снегурочку. Тогда мы шли в ресторан, всегда в один и тот же -- в гостиницу «Европа», на второй этаж. Но чаще мы бывали бедными, растягивая рубли до очередного гонорара, а иногда и вообще сидели без денег. И тогда мы шли на рынок и воровали фрукты, сушеные грибы и цветы. Дома мы громко смеялись, вспоминая рыночные ситуации, наперебой комментируя поведение друг друга: для нас это было чем-то вроде игры, спектаклей и этюдов, в которых Валя иногда играла легкомысленную, избалованную жену, сорящую деньгами направо и налево, а я -- строгого богатого мужа, готового сказать в случае чего:

-- Положи на место. Хватит. Сегодня ты уже потратила свою тысячу, которую получаешь на свои ежедневные глупости!

И она «покорно» клала на место украденные цветы, а продавец, ошалевший от слова «тысяча» -- еще бы, в то время столько стоил подержанный автомобиль, -- стоял открыв рот, завистливо глядя вслед удаляющимся «миллионерам».

Но обычно цветы оставались у Вали, и тогда начинался второй акт комедии. Мы выбирали наиболее характерного красавца грузина в ряду торговцев фруктами, и начинался розыгрыш. Легко импровизируя на ходу, Валя заговаривала с продавцом, и в результате грузин оставался с цветами, а Валя -- с мешком фруктов. Иногда, в трудных случаях, появлялся я и говорил:

-- Не удивляйтесь. Киностудия «Ленфильм». Мы снимаем кино о жизни знаменитой актрисы Павловой. А это -- репетиция.

И все становилось на свои места.

* * *

Наверное, я любил ее. Она была прекрасной актрисой, талантливой от Бога, с редким для театра амплуа героини. Медея и Мария Стюарт, Леди Макбет и Комиссар в «Оптимистической трагедии» были ее ролями. От нее веяло энергией, страстью, она была способна на безрассудство и риск.

Что-то толкало, притягивало меня к ней. Наверное, ее талант и сила. Я внутренне боролся с ней, я должен был стать первым. Но первой во многом была она, и я боролся. Я учился в Театральном институте, работал в театрах, преподавал в училище, дважды в год ездил на сессии, расставаясь с ней на месяц. Она писала мне длинные красивые письма. Я нервничал, не зная почему, мучился от ревности, от этого изменял ей, чтобы хоть на некоторое время избавиться от эмоций, стремился к ней, напивался от избытка чувств, любил и ненавидел.

Она бросила меня, когда я уехал в Саранск ставить дипломный спектакль. Ее увел мальчик из кордебалета, а через пару недель бросил. Она попыталась вернуться ко мне, но я не мог простить ей предательства, коим тогда казался мне ее поступок.

Потом, позже, я понял и простил ее и помогал ей время от времени всю ее жизнь. Всю ее нелегкую и недлинную жизнь. Но, наверное, Бог за что-то наказал ее. И может быть, за то, что она бросила меня.

А меня спас мой ангел-хранитель, И я стал человеком, может быть, потому, что она бросила меня.

Но тогда я не понимал этого. И страдал. Страдал и пил.

* * *

Итак, впервые в жизни я увидел свое имя -- <<постановка режиссера Андрея Ананова>> -- на театральной афише. Впервые в жизни я получил гонорар -- более семисот рублей. По тем временам это были большие деньги. Валентина ждала меня в Ленинграде, приближался новый, 1972 год. Мы договорились, что я прилечу из театра, где ставил дипломный спектакль, домой в Питер 31 декабря. Мы собирались праздновать Новый год вдвоем дома. Мы разговаривали по телефону каждый день, я стремился к ней и ничего не подозревал.

Я умудрился прилететь в Ленинград на день раньше, 30 декабря. Дома, на 7-й Красноармейской, где мы тогда жили, ее не оказалось. Соседи сказали, что накануне она уехала к родителям в Выборг. А это почти три часа на электричке.

Я бросил дома вещи, набил карманы деньгами и подарками и понесся на последнем вечернем поезде в Выборг. Но ее не оказалось и там. <<Уехала в Ленинград>>, -- сказала теща, пряча глаза. Я почувствовал недоброе и первым же утренним поездом поехал обратно.

Я не могу объяснить, почему, выйдя из поезда на Финляндском вокзале в Ленинграде, я поехал не домой, на 7-ю Красноармейскую, где должна была ждать меня Валя, а пошел пешком через Литейный мост к себе на старую квартиру, к родителям. Я вошел в свою комнату и сразу увидел конверт, лежавший на столе. И все понял.

<<...Прости меня, Андрюша. Я ничего не могу с собой поделаться.

Я полюбила другого, заранее зная, что из этого ничего не получится... Не ищи меня... Ты ничего не в силах изменить... Я знаю, что когда-нибудь очень пожалею об этом, но сейчас...>>

Это был сильный удар. Я как будто оглох на время. Я ходил по комнате взад и вперед, пытаюсь осознать происшедшее.

Было девять часов утра. 31 декабря 1972 года.

Я нашел в доме бутылку коньяка, приготовленную родителями на Новый год, и один за другим выпил два тонких чайных стакана. Проснулась мама. Она сразу все поняла, но не сказала мне ни слова.

Я взял деньги, весь свой первый гонорар, семьсот рублей. Деньги, которые должны были показать ей, что я стал мужчиной, способным помогать, содержать семью, быть опорой талантливой женщине, деньги, которые доказывали, что мне удалось стать профессиональным режиссером и теперь я буду капитаном нашего корабля, а она будет репетировать со мной и слушать меня; я сунул эти деньги в карман и поехал пить.

Я пил все школьные каникулы, я пропил все, что мог, я выкинул в дальний угол ресторана гостиницы «Европа» обручальное кольцо, которое улетело, тонко звеня, по дубовому паркету.

* * *

Удивительно, но через много лет это кольцо вернулось ко мне. Я уже стал к тому времени ювелиром, работал дома и принимал заказы у клиентов. Однажды какая-то женщина, пришедшая сделать заказ, протянула мне золотое

обручальное кольцо как материал для изделия. Я еще не взял его в руки, не рассмотрел, не заглянул внутрь, где должна была бы оказаться гравировка «Валя 1968 год», но уже почему-то понял -- это мое кольцо, хотя оно внешне ничем не отличалось от тысяч других.

Взглянув на гравировку, я убедился в этом. Клиентка ушла, и я долго сидел в раздумье, что же делать. Конечно, я мог вложить свое золото и оставить кольцо себе.

Я вспоминал нашу жизнь, наше расставание, новогоднее письмо, свои пьянки, муки, ревность и любовь.

И я расплавил кольцо. Оно превратилось в маленькую каплю металла.

...Итак, я пропил весь свой гонорар, я выпил всю настойку календулы в домашней аптечке, я сходил по карнизу четвертого этажа в закрытую на ключ мамину комнату за двумя «маленькими» водки и, выпив их там, так же по карнизу вернулся обратно. Но эта пьянка спасла меня. Иначе я бы уехал туда, где она была, и убил бы ее. Я знал, где она.

Через десять дней организм сдался. Я очнулся на Литейном, на диване, и медленно, мучительно возвращался к жизни. А через несколько дней, немного придя в себя, улетел обратно в Саранск в театр -- ставить новый спектакль.

Еще через два дня, по непонятной причине, я потерял сознание -- ночью, в гостиничном номере -- от нестерпимой боли в животе, и оказался на хирургическом столе.

...Наркоз постепенно отходил. Я осознал, что меня оперировали, я уже все слышал, мог соображать. Я услышал, как хирурги сказали: «<<Все, после четырехчасовой операции можно и покурить>>» -- и ушли курить. Две сестры, оставшиеся в операционной, шептались о своем, о девичьем.

Я лежал бессильно, как будто сделанный из ваты. И вдруг я почувствовал, как мой обмякший язык проваливается в гортань, закрывая ее, как пробка ванну. Я лежал и задыхался. И ничего не мог поделать. Ни сказать, ни позвать, ни рукой пошевелить. А сестры все шептались.

И тут я вспомнил анекдот. Да, я не думал ни о близких, ни о Вале, ни о чем высоком и вечном. Я вспомнил анекдот на эту тему.

...Периферийная больница. Готовится операция крупному партработнику районного масштаба. Операционная набита аппаратами -- искусственное сердце, искусственная почка, везде тянутся шланги, трубки, дрожат стрелки приборов. Вызван профессор, светило медицинской науки из Москвы. Светило входит в операционную, подходит к больному, тот начинает хрипеть и задыхаться.

Неоднократно проверяют приборы. Все работает. Идет воздух, кислород, кровь.

Но каждый раз, когда профессор подходит к больному, тот начинает хрипеть. И профессор командует: «<<Дайте ему карандаш и бумагу, может, он напишет, в чем дело>>».

Больной начеркал что-то на листке, и когда профессор подошел, взял из его рук бумагу и стал читать, больной помер.

-- Очень неразборчиво написано, -- сказал старичок-профессор. Ассистент взял бумагу и громко прочитал:

-- «<<Сойди со шланга, сука!>>»

Вот так я с анекдотом и умер.

Говорят, что врачи, покурив, вернулись в операционную. На мое счастье.

-- Смотри-ка, -- говорит один, -- что-то у нас больной посинел!

Еще бы, посинеешь тут. Сойди со шланга, сука!

* * *

Несколько дней надрывался телефон в моем пустом гостиничном номере. Наконец папа догадался и позвонил на этаж, дежурной.

-- Ананов? Из номера четырнадцать? Так он же умер! А вы кто ему будете?

Папа ничего не сказал дома и тут же вылетел в Саранск. Он рассказывал мне потом, что всю дорогу был уверен, что произошла ошибка. Как когда-то в госпитале, во время войны, так же сказали моей маме :

-- Сержант Ананов? Так он умер!

Мама нашла отца в морге, в штабеле покойников, еще теплого. И выходила. Она тоже была уверена, что произошла какая-то ошибка.

* * *

Через несколько дней после операции я не выдержал и послал телеграмму Вале. Я писал ей, что у меня была клиническая смерть, операция, и просил ее прилететь. Но она не прилетела. Она прислала телеграмму: <<Не валяй дурака. Я не верю в твою мелодраму>>.

Больше я ничего и никогда не писал ей.

...Я был опять женат, на чудной, красивой, чистой и любившей меня девушке с романтическим именем Стелла, когда Валя снова появилась в моей жизни.

Валя позвонила мне. Оказалось, что она беременна, что приехала из Риги, где работала в то время в театре, рожать в Ленинград, что лежит в <<Снегиревке>>, что ей нужно масло, сахар, чай и деньги, что новый муж пьет в Риге и приезжать не торопится.

Я вспомнил начало нашей жизни. Тогда, через три недели после первой нашей встречи, Валя отправилась делать аборт, я дал ей пять рублей, и приносил сахар, чай и масло.

И вот прошло много лет, и опять я ношу ей масло, сахар, чай и деньги.

А потом я встречал ее из роддома с сыном Максимом, сунув в карман санитарке, как полагалось, три рубля.

-- Поздравляю счастливого отца с сыном, -- сказала санитарка.

...Шли годы. Время от времени Валя звонила мне и просила денег. Я посылал ей. А однажды Валя позвонила снова и просила приехать. С ее мужем случилось несчастье. Молодой, здоровый парень, он после черепно-мозговой травмы потерял самое дорогое, что может потерять актер, -- он потерял речь, стал инвалидом первой группы. Валя была в последней степени отчаяния.

Я приехал на машине в Ригу, забрал Валиного мужа с собой и поселил в Ленинграде. Десять дней мы жили в одной комнате нашей коммунальной квартиры втроем -- Стелла, я и Валин муж. Десять дней я учил его азам ювелирного искусства, благо у него были хорошие руки. Он быстро стал осваивать простые операции.

Через некоторое время я навестил Валю в Риге. Мой ученик делал успехи и уже начинал понемногу зарабатывать. Рос сын.

* * *

Последний раз Валя приехала в Санкт-Петербург в начале девяностых годов. Приехала умирать. С диагнозом -- рак легкого. Два месяца она лежала в больнице, и опять я возил ей сахар, масло, лекарства и деньги.

-- Андрюша, если меня выпишут, отвези меня в Выборг, на родину. Я хочу умереть там, -- попросила она как-то.

Вскоре ее выписали.

Я отвез ее в Выборг.

ЗАЙЧИК

Я начал выпивать, попав в пятнадцать лет на флот.

В те годы проходила хрущевская реорганизация школ. Окончив восьмой класс, я узнал, что нам предстоит учиться дальше не два, а три года. Многие тогда уходили в вечерние школы «рабочей молодежи», где сохранилось десятилетнее образование. Кто-то в самом деле работал днем, кто-то доставал липовые справки о работе.

Я снова решил пойти своим путем: при помощи отца, профессора математики, подготовиться самостоятельно, сдать экстерном за один год курс всей средней школы и поступить в университет, как этого требовали семейные традиции. Но отец заболел, надолго попал в клинику неврозов, что на 5-й линии Васильевского острова, и я остался без присмотра и руководства. Мама работала, и мы с маленьким братом Никитой подолгу вынуждены были оставаться в обществе домработницы Фаины, простой и доброй деревенской женщины, прожившей в нашей семье около двадцати лет.

Заниматься самостоятельно я не смог, и в итоге, проболтавшись пару месяцев без дела, в папиных -- модных по тем временам -- остроносых ботинках оказался я в Таллине, без денег и знакомств.

В те времена моей страстью был бильярд. Начав играть в Таврическом саду -- на детской площадке, на маленьком столе с железными шариками, -- я довольно быстро научился, а затем попал «на стажировку» в Ленинградский Дом офицеров к великому специалисту, бывшему королю питерских бильярдных Николаю Павловичу Чижу, работавшему там в те годы маркером. По утрам, прогуливая школу, я приходил в Дом офицеров, благо он находился через два дома от моего. В проходной думали, что я иду на занятия кружка бальных танцев. Я же, подобрав ключ к одной из внутренних дверей, попадал в другую половину здания и, никем не замеченный, оказывался в бильярдной. Не знаю, почему Николай Павлович взялся учить меня, может быть, потому что был одиноким, может быть, потому что хотел передать кому-то свои уникальные приемы и секреты игры. Я прибавлял себе возраст, врал, что учусь в институте, и меня прозвали в бильярдной «студент», а еще -- «чемпион Дома пионеров». Играл я действительно неплохо. Николай Павлович направлял меня, иногда по утрам я был партнером в игре для какого-нибудь офицера с деньгами, и потихоньку я начал выигрывать. Выигранное я отдавал учителю, а он после выдавал мне «карманные деньги». За мой проигрыш деньгами отвечал тоже он.

Итак, я оказался в Таллине. Некоторое время я «гастролировал» в бильярдной местного Дома офицеров, выигрывая небольшие суммы, питался одним мороженым -- весьма калорийный оказался продукт, -- бродил по окрестностям в поисках приключений. Как-то раз я обыграл одного штурмана, у того с собой не оказалось достаточно денег, и так я оказался в морском порту, на учебном судне «Вега» -- трехмачтовой бригантине, где, «отметив» знакомство, и переночевал. А потом и остался, устроившись учеником палубного матроса, иначе говоря юнгой, на эту романтическую яхту, на которой курсанты Таллинского мореходного училища проходили двухмесячную палубную практику.

Жажда приключений тянула меня к «взрослой жизни». В первое же свое увольнение я отправился на танцы в «Мэри-клуб», гордо надев чужую фуражку с «крабом» и взятый напрокат в кубрике серебряный перстень матроса-эстонца. По возвращении на корабль я был немедленно бит хозяином перстня. Ему помогал владелец фуражки, тоже эстонец. И хотя, как мне казалось, я был наказан незаслуженно, урок этот запомнился на всю жизнь. И любви к эстонцам от этого не прибавилось.

В детстве я панически боялся высоты. Попав на корабль, я узнал, что на самых верхних реях -- верхних марселях -- работают матросы. Курсантов допускают только на нижние уровни. Я понял, что мой позор надвигается и грянет очень скоро. Каждый раз я внутренне напрягался, услышав в корабельном динамике треск и щелканье, предвещающее передачу очередной команды по кораблю. Каждый раз, затаив дыхание, я ждал объявления:

-- Учебная парусная тревога. Команде занять места на верхних и нижних марселях...

Верхние марсели -- это паруса на самом конце мачт, на высоте более двадцати метров от палубы.

Но пока что Бог миловал. Динамик молчал.

Однажды ночью я собрался с духом. Команда и курсанты спали, на мостике стоял на штурвале вахтенный матрос. Ночь была темной, без звезд, вдобавок дул сильный боковой ветер. Судно шло под мотором.

Вахтенный матрос, не оглядываясь, смотрел вперед, чуть-чуть иногда трогая штурвал. На палубе никого, только свистел в снастях ветер да поскрипывала передо мной бизань-мачта, уходившая куда-то в черную пустоту.

Я отчаянно рванулся к вантам и полез, не глядя ни вверх, ни вниз, ни по сторонам.

Довольно быстро я достиг конца первого марша вант. Теперь я очутился на переходном мостике, идущем вокруг мачты. Следующий марш вант -- веревочной лестницы с деревянными ступеньками-выбленками -- находился за мачтой.

Вцепившись руками в мостик, я ползком добрался до противоположного края. И отчаянно полез выше. Не буду описывать, как я добирался до верхнего марселя. Вцепившись мертвой хваткой в леер, я раскачивался вместе с мачтой, понимая, к сожалению, что правы курсанты, с видом знатоков рассказывавшие, что во время качки амплитуда колебаний клотика мачты -- более шести метров.

О том, как я спускался, цепляясь, точно рак клешнями и хвостом, за все, за что можно было уцепиться, я рассказывать не буду. Мне казалось, что я сползал, как теплое говно, целую вечность. Наконец, дрожа от холода и от страха, я очутился в своем родном теплом кубрике, забился с головой под одеяло и уснул как убитый. На следующую ночь я снова полез на бизань -- и ползал каждую ночь, все смелее и смелее, пока наконец, в полный штиль, не освоился настолько, что даже прошел, как это и полагается матросу -- ногами ступая на леер, вдоль верхнего марселя до самого его края.

Я проплавал на «Веге» полгода, из «салаги» превратился в матроса второго класса, сдав техминимум; я прекрасно греб, спокойно «разбалтывал» парус верхнего марселя во время парусной тревоги, стоя ногами на леере и лежа животом на рее; я даже разок нырнул во время водного праздника с нока фок-реи, что и достаточно трудно, и достаточно опасно, так как вместо воды можно было нырнуть головой в палубу. Словом, я стал мужчиной.

Но я начал пить.

* * *

До сих пор я не могу понять, каким чудом я выжил, не оказался на дне этой ямы, поглотившей многих, не спился до белой горячки, не погиб в пьяных драках, не прицепил веревку к крючку от люстры в квартире на Литейном, благо потолки там позволяли. Каким-то чудом я переживал дикие алкогольные депрессии, когда хотелось только одного -- забыться и не просыпаться. Я не понимаю теперь, как смог поступить в университет, окончить Театральный

институт, поставить сорок четыре спектакля, быть известным спортсменом, киноартистом и, вообще, жить.

Кто же спасал меня, отводил в сторону беды и трагический конец, кто выводил меня на свет божий, помогал стать на ноги? Господь, ангел-хранитель, судьба, близкие люди, любившие меня, или что-то еще, жившее во мне и не дававшее, не позволявшее мне сдаться, расписаться в собственном бессилии, в собственной ординарности?

<<Жизнь никогда не забывает закрыть одну дверь прежде, чем открыть другую...>> -- говорил мне отец. Он покончил с собой, и для меня закрылась одна дверь. Я похоронил его и в память о нем бросил пить. И для меня открылась другая.

Я не пил пять лет. Я наверстал упущенное, сделал главное, что мог сделать в то время, -- нашел свое место в жизни, ответил себе на основные вопросы. Я понял, зачем живу, кем я хочу стать и каким, я использовал счастливую случайность, приведшую меня к профессии ювелира, и сделал маме свое первое изделие из золота -- булавочку с жемчужиной взамен пропитой мною когда-то. Мама умерла, и булавочка с тех пор всегда со мной, в галстук. И никто не знает, что я вспоминаю и о чем думаю, глядя на нее. Но это грустная история, и не надо ее никому знать.

Пьяных жалеют редко. Чаще презирают, терпят брезгливо, еще чаще -- предают и бросают. И никто из непьющих близких никогда не узнает, какие муки испытывает протрезвевший в тяжелой депрессии пьяница. Муки эти намного страшнее физических мучений. Я только один раз в жизни испытал кошмар еще страшнее: когда умирал второй раз, в таллинской больнице, от дикой боли в проколоте ножом и воспалившемся кишечнике, в последней стадии перитонита. Но Бог спас меня тогда.

А потом Бог спас меня окончательно, послав мне ангела-хранителя, мою дочку Анюту, которая одна только меня и любит, наверное, по-настоящему. И Анюта -- Зайчик, как я ласково ее называю -- отвела от меня беду, спасла, сама того не зная, совсем как будто и не стараясь, без слез и крика, без нравоучений и проповедей. Да и какие нравоучения можно услышать от даже не годовалого еще ребенка, который и говорить-то не научился! Но она спасла меня, и я расскажу ей об этом.

Зайчик должен был родиться Львом, в августе, и было бы у нас в семье два Льва -- папа-Лев и Зайчик-Лев. Но Анюта родилась на три недели раньше положенного срока, и получился не Лев, а Рачок. Милый, славный такой Рачок с задатками Льва.

...Шофер высадил меня на даче, как мешок с цветами. Не поднимая глаз на жену и дочь, съездившись от душевной боли и стыда, я добрался до своей комнаты и лег, укрывшись с головой одеялом. Стояло теплое лето, меня же трясло как в ознобе. Вдруг одеяло зашевелилось. Это тихо-тихо пришел ко мне Зайчик и молча улегся рядом со мной. Я даю честное слово, что испугался, увидев взрослую боль и грусть в ее детских глазах. Некоторое время мы лежали тихо. А затем я почувствовал, как маленькая теплая ручка безмолвно и осторожно гладит меня.

Я обнял Анюту и молча заплакал. Заплакал от благодарности к крошечному существу, понявшему то единственное, что могло помочь мне и чего мне не от кого было ожидать. Прижавшись к ребенку, я лежал тихо, боясь, что она, непоседа, уйдет. Но она не уходила, а только тихонечко гладила меня. Анюте было тогда меньше года.

Никто и никогда раньше не жалел меня так -- тихо, любяще и терпеливо, без скандала и крика. Может быть, оттого, что далеко не всем дано чувствовать чужую боль, принимать своим тонким организмом эти невидимые глазу,

безмолвные крики о помощи, отвечать на них, передавая взамен свою душевную теплоту и любовь.

Зайчик чувствовал мою боль, Зайчик любил меня и жалел. И я с облегчением понял, что у меня есть для кого жить, что я не один в этом чужом мире, наполненном равнодушием и страдающим от недостатка тонких и чувствительных, принимающих сигналы чужой боли, любящих и высокодушных близких.

Долгое время при виде стакана я вспоминал взрослую боль в глазах дочки. И это помогало. Помогало справиться с собой, не взять стакан в руки, не впасть в очередной запой. Я не пил почти полгода, но понемногу стал забывать теплую ручку, гладившую меня на даче. И все началось сначала. Три дня пьянки, два дня депрессии, мыслей о веревке и отлеживания на диване, бульон на третий день, два дня на возвращение к нормальной жизни, и несколько недель интенсивной работы. И потом -- все сначала.

В моей жизни была ампула «эспераль», от которой когда-то погиб Высоцкий, зашитая в память о погибшем отце, пять лет перерыва, еще одна ампула, снова полтора--два года воздержания, снова пьянки и наконец Зайчик.

Зимой 1989 года мама Зайчика уехала на несколько дней к бабушке в Смоленск. Мы остались с дочкой вдвоем. Я с удовольствием гулял с ней, кормил, менял памперсы, укладывал в детскую кроватку с высокой сеткой.

В один из вечеров ко мне в гости зашел сосед. Уложив ребенка, мы сели за стол. Я плохо помню подробности, но так вышло, что последнюю бутылку водки я начинал уже один.

...Я очнулся глубокой ночью. В незашторенное окно ярко светила луна, освещая мертвым светом предметы, отбрасывавшие огромные тени. Я лежал поверх одеяла, одетый и в ботинках, с трудом заглатывая воздух слипшимся от жажды горлом.

Вдруг рядом с собой я уловил чье-то тепло.

Около меня, стоя на коленях, согнувшись и положив голову на мой диван, тихо спал мокрый до нитки Зайчик. Голые ножки белели на темном полу.

Я задохнулся от ужаса, въяве представив себе такую картину. Зайчик проснулся ночью. Он плакал и звал меня. Я же мертвецки храпел в соседней комнате. Зайчик каким-то чудом перелез через высокую сетку, не упал в темноте, не сломал ножку, а может быть, и упал, и ушибся, и звал меня опять, и плакал, а отчаявшись, пополз искать меня в безмолвии большой квартиры. Зайчик нашел меня и остался, как ангел-хранитель, на всю ночь рядом, стоя на коленях перед погибающим отцом, готовый отдать последнее, что у него, полуторагодовалого ребенка, было -- свою детскую хрупкость и незащищенность души, свою не выраженную словами любовь, защищая меня, как ангел-хранитель, от моего несчастья.

Я заставил себя встать, переодел и уложил спящего ребенка, укрыл своим одеялом, вылил остатки водки в унитаз, разделся и лег рядом, укрывшись с головой и прижавшись лбом к худенькой детской спинке. И все мои боли вдруг оставили меня, и я тихо и спокойно заснул.

С тех пор прошли годы. Я не притронулся к спиртному ни разу. И надеюсь, что эта беда миновала.

Зайчик учится в школе в Париже и уже лихо говорит и читает по-французски. Часто простужается, не любит горячее молоко с медом. У Зайчика в Париже мама и младшая сестренка Настюша.

Они живут дружно и вместе играют. Зайчик любит меня по-прежнему и ждет моих приездов. Зайчик говорит: <<Я умная в папу и красивая в маму>>. Зайчик быстро растет.

Господи, дай моему Зайчику здоровья.

ЭКСПЕДИЦИЯ

Приближалось лето. Для моих родителей это была самая напряженная пора -- им предстояло решить, что со мной, семнадцатилетним оболтусом, делать. Потому что им хотелось на дачу, а мне нет. Оставлять меня одного в городе, в большой старинной квартире, которая немедленно после их отъезда наполнилась бы приятелями, девочками, бутылками, визгом и хохотом, песнями под гитару, преферансом и прочими классными развлечениями, им не хотелось. И следовательно, меня надо было куда-то пристраивать.

Мама нашла выход. Зная мою авантюрно-романтическую натуру и любовь ко всякого рода приключениям, она пристроила меня рабочим в геологическую экспедицию, выезжавшую на лето куда-то в глушь, между Южным Уралом и Северным Казахстаном. Экспедиция была университетская и состояла из студентов-географов, аспирантов-палеонтологов, а начальником экспедиции был мамин коллега и приятель со странной фамилией Доннер.

Родители все-таки уехали на дачу первыми и на несколько дней оставили меня одного в городе. Естественно, мы устроили шумные проводы, так что соседи даже пригласили милицию, но все обошлось. На всякий случай мы заперли девчонок в кладовке и повесили снаружи большой висячий замок, наказав им сидеть тихо. Милиция ушла, не обнаружив ничего криминального и не испортив нам удовольствия. Закончилось все это горой грязной посуды, большим количеством пустых и недопитых бутылок да чудной девочкой, оставшейся у меня, о которой не помню ничего -- ни имени, ни внешности, а помню только, что было мне с ней хорошо и что провожала она меня на следующий день на вокзал.

Экспедиция была разбита на несколько отдельных отрядов, человек по десять--двенадцать в каждом, мы должны были работать независимо друг от друга, и уезжал наш отряд также отдельно от остальных -- с Московского вокзала, где и был назначен сбор.

Остатки пропитых <<полевых>> булькали в рюкзаке, в полиэтиленовой фляге, куда я слил содержимое недопитых бутылок, устроив дикий <<ерш>> из портвейна, водки, коньяка и сухого. Я был одет в брезентовую штормовку с капюшоном, в такие, как выяснилось, были одеты и остальные, сплошь молодежь, высокие, красивые и сильные ребята, студенты и аспиранты.

-- Космонавты едут... -- уважительно сказала нам вслед какая-то старушка.

Поезд тронулся, и все члены отряда собрались в одном купе, куда набилось человек восемь. Наш начальник Андрей Грачев и единственная в отряде девушка, как потом оказалось -- его пассия, аспирантка Валя, присоединились к нам позже, уже на месте. Познакомились. Стараясь держаться независимо, я вскоре достал свою флягу и пустил ее по кругу. Народ попался непьющий, то есть без своих запасов, но кто же на халяву откажется! Что во фляге за бурда, я не признался, и народ начал гадать. Некоторые даже серьезные названия предлагали, типа <<джин>>, но никто так и не угадал. Больше о той поездке я ничего не помню, помню только, что меня спросили, играю ли я в преферанс, и я смело сказал -- играю. На самом же деле играл я очень плохо, получив до этого всего несколько уроков от своей тетки, сестры мамы, тети Кати, колоритной женщины, курившей <<Беломор>> и блестяще игравшей в карты. Она умерла очень рано, лет в пятьдесят, от рака.

Итак, я занял место <<четвертого>> в компании преферансистов и все лето исправно отдавал им свои <<полевые>> -- двадцать пять рублей, которые нам

платили раз в месяц. Для сравнения: бутылка портвейна в те годы стоила рубль тридцать семь, а <<Памир>>, который я лихо курил, -- одиннадцать копеек.

Ехали мы долго, несколько дней, с пересадками, пока не доехали до самого конца Куйбышевской железной дороги, до того места, где железнодорожная насыпь просто обрывалась, утыкаясь в три вкопанных в землю стальных рельса. А потом на грузовой машине, в кузове, ехали полстепи -- практически без дороги -- еще целый день и к вечеру остановились на ночлег в поселке из четырех или пяти домиков, окружавших небольшую шахту с огромной горой отвала породы, называемой <<терриконом>>. Что там добывали, я, убей бог, не знаю, да и прожили мы в домике около шахты всего одну ночь и одно утро. Вернее, это остальные прожили одну ночь и одно утро, устроившись спать на брошенных прямо на земляной пол спальных мешках, мне же в ту ночь спать особенно не пришлось, и вот почему.

Такие же терриконы, как тот, что возвышался около нашего домика, виднелись вокруг, разбросанные по степи на расстоянии, как казалось, километр-два друг от друга. И около одного из них, поведал шофер, находился клуб с танцплощадкой. А в тот день была суббота и, следовательно, танцы. Я поначалу подбил-таки коллег совершить вылазку с целью познакомиться с поселянками и подобрать для отряда повариху (об этом предупреждал начальник Грачев еще в Ленинграде). Но, разомлев на солнце во время пути и изрядно подустав, товарищи мои завалились спать. И я отправился на танцы один, благо шофер, привезший нас на ночлег, возвращался как раз мимо клуба.

Дорога в машине показалась очень короткой, никаких подвигов на танцах мне совершить не удалось, хотя, правда, и бит местной интеллигенцией я не был, и, так никого после танцев и не проводив, я отправился пешком в обратный путь.

Единственная дорога вывела меня, в сопровождении несметного количества бездомных собак, которые хоть и лаяли, но не кусались, на край поселка. Но как только поселок кончился, кончились и лампочки на столбах у дороги.

Стояла черная-черная ночь, без звезд и луны. Я двигался в правильном, как мне казалось, направлении, иногда ощупывая руками дорогу, и, убедившись, что колея автомобильных шин подо мною, шел дальше.

Через час я поднялся на небольшое возвышение, миновав перед этим неизвестно откуда взявшийся глубокий овраг, и на горизонте увидел столб с электрической лампочкой. Я помнил, что около нашего дома тоже стоял столб, и пошел в направлении еле видимого света.

Уже начинало светать, когда я добрался до столба. Около него и в самом деле стоял дом. Но только не наш. Одно окно в доме горело. Очевидно, люди уже вставали. Я постучал. Какой-то мужчина в ватнике открыл дверь. Поняв, что я ищу, он махнул рукой в сторону:

-- Это вон там.

-- А далеко? -- спросил я.

-- Да нет, километров пять.

Меня устроили на каком-то матрасе прямо на земле, и я проспал до утра, а затем добрался до наших с попуткой.

Наш отряд расположился на берегу реки Кумак. Поставили палатки, одну большую -- штабную, где в дождливую погоду <<камералили>> аспиранты, то есть обрабатывали и систематизировали собранные в маршруте материалы. Каждому из нас, восьмерых юношей, досталось по двухместной палатке, где кроватью был спальный мешок, а подушкой -- рюкзак. До воды, метров

пятнадцать, надо было спуститься по узкой тропинке с довольно крутого каменистого берега; извилистая неширокая река, поросшая камышом, изобиловала щуками, водяными черепахами, а противоположный пологий берег был нашим подшефным огородом -- там росла неизвестно чья капуста, картошка и морковь. Это все служило хорошим подспорьем нашему нехитрому столу, состоявшему из привезенных с собой консервов да хлеба, который раз в неделю нам доставляли из ближайшего поселка, пятьдесят километров туда и пятьдесят обратно, на нашем отрядном грузовике ГАЗ-63. Был у нас и водитель, но за рулем сидели все, кто умел и не умел, так как выгоревшая степь представляла собой одну сплошную дорогу, а про ГАИ в тех местах, по-моему, никогда не слыхали.

Вопрос с поварихой решился просто. Приехавший начальник, узнав, что поварихи нет, спросил: <<Кто у нас самый младший?>> Так я стал поваром. И никто у меня не спрашивал, умею я готовить или нет.

С утра, после завтрака, шофер увозил ребят в маршрут на отметку, где окончился предыдущий день, а я оставался в лагере. В принципе жаловаться было грех -- я ловил рыбу, плавал на самодельном плотике на тот берег за овощами, готовил обед и мыл алюминиевые миски. Мыть я их научился ловко -- спуская в сетке в реку, и через полчаса маленькие рыбешки, от которых кипела река, выедали остатки пищи до блеска. Оставалось только достать посуду и разложить на солнце.

Я никогда не собирался стать поваром, но с детства была у меня черта в моем непоседливом характере -- я любил учиться, легко усваивая разную, на первый взгляд ненужную, информацию. Наша мама хорошо готовила, и я время от времени наблюдал за ней, когда она орудовала на кухне. И кое-что я усвоил. Здесь мне эти знания пригодились, а остальное восполнили смекалка и нужда. Я варил на костре отличную уху из пойманной тут же рыбы, жарил на украденном где-то столовском противне капусту, пек картошку в горячем песке, -- в общем, колбасился весь день, стараясь накормить ребят повкуснее, а они, голодные, возвращались под вечер, мгновенно съедали все, что я приготовил, и заваливались спать.

Иногда по выходным все отряды собирались в одном месте, располагались табором около реки, поджигали специально заготовленные, найденные в степи старые автомобильные шины, которые горели выбрасывая в черное небо снопы искр; устраивался пикник с небольшим количеством спиртного, и потом, сидя у костра, мы долго пели под гитару, а под утро разъезжались по своим лагерям. От этих ночей осталось ощущение чистоты, романтики, едкого дыма горевшей резины и легкой грусти по ушедшей молодости.

Многое из этого прекрасного времени стерлось в памяти, но несколько историй запомнились на всю жизнь, и их стоит рассказать.

Черепаховый суп

В нашей реке жили водяные черепахи. Животные эти были крайне осторожны. Обычно в жару они сидели туловищем в воде и, выставив на поверхность маленькую головку, щипали траву, растущую вдоль берега, а при малейшей опасности немедленно ныряли. К себе они ближе чем метров на десять человека не подпускали.

У меня была мечта изготовить черепаховую пепельницу и привезти домой в качестве трофея. В отряде имелась мелкокалиберная винтовка, принадлежавшая начальнику, и однажды я упросил его оставить ружье мне. Когда ребята разъехались в маршрут, началась охота.

Я расстрелял полпачки патронов, пока не попал-таки с расстояния в двенадцать--пятнадцать метров в маленькую черепашую голову. Теперь предстояло опустошить панцирь. Недолго думая, я решил сварить убитую черепаху, понимая, что иначе мне вряд ли удастся вычистить мясо. Я поставил на костер ведро воды и опустил туда добычу.

Через несколько часов вода наполовину выкипела, и я достал черепаху. Как я и ожидал, теперь мясо легко отделилось от панциря. Но, к моему удивлению, я обнаружил в ведре великолепный по цвету бульон, напоминавший куриный. Я посолил его и попробовал. В самом деле, по вкусу бульон был неотличим от куриного. И я решил угостить своих ребят деликатесом. Добавил морковки, картошки, капусты и получил роскошные наваристые щи.

Приехавшие к вечеру геологи с удовольствием ели мою стряпню, нахваливали и просили добавки. Так мы мирно обедали до тех пор, пока один из них, Леша Колесниченко, здоровенный хохол, не произнес с растяжкой: <<Что-то я у кур таких органов не помню...>> -- и достал из тарелки черепашую лапку с желтыми ногтями...

По напряженной тишине я понял, что сейчас меня будут бить. И не ошибся. Спасло меня то, что я быстро бегал. Бегать пришлось долго, так как ловили меня восемь человек. Но пока ловили, отошли и потом долго хохотали, особенно над Лешей, который после этой истории искал черепаший лапки во всем, будь то каша или компот.

Ливень

С вечера начался сильнейший дождь, про который сказать, что он был как из ведра, -- значит не сказать ничего. Вода с неба текла ручьями, вокруг палатки шумели потоки, стекавшие в реку. Двускатная брезентовая крыша палатки прогибалась под тяжестью воды, и избави бог тронуть эту крышу изнутри пальцем -- немедленно в этом месте начинал течь ручеек.

Утром дождь прекратился, и мы начали собираться в маршрут. К тому времени кулинарная работа моя закончилась, в отряде появилась-таки повариха, толстенькая девушка из местных, и я ходил в маршруты наравне с другими.

После завтрака я полез в свою палатку за рюкзаком, служившим ночью подушкой. Подняв его, я замер...

Под рюкзаком, свернувшись кольцом, лежала здоровенная гадюка. Вообще, в тех местах змей было много, и все давно привыкли к ним. Змеи мирно ползали по степи, особенно полюбили наш берег, то место, где стояли палатки, и почти каждое утро по дороге к речке нет-нет да и встретишь ползущую через тропинку гадюку. Но нас они не трогали, да и мы их тоже. Но спать в одной палатке с гадюкой, да еще такой толстой, мне не приходилось.

Похолодев от ужаса, я представил: вот я во сне засовываю руки под рюкзак, как под подушку (что я любил делать в детстве, да и до сих пор люблю), и обнимаю гадину, не чувствуя холодного и скользкого клубка с черным зигзагом на спине. Почему она меня не укусила, я до сих пор понять не могу. Очевидно, змея, спасаясь от дождя, заползла ночью под стенку палатки и устроилась, выбрав самое сухое и теплое место. Может быть, в благодарность за гостеприимство она меня и не тронула.

Я пулей задним ходом выскочил из палатки, а придя в себя, концом удочки осторожно стал вытаскивать рюкзак. Но под ним было уже пусто.

Коррида

Наш грузовик развернулся, посигналил на прощание и уехал, оставив нас двоих посредине степи, выжженной солнцем и ровной, как стол. Стояла дикая жара, градусов под сорок, и укрыться от нее было негде. Ни кустика, ни деревца, вокруг только сухая, потрескавшаяся глина.

Нас, то есть меня и геоморфолога Валентину, хорошенькую и молоденькую аспирантку, оставили на <<точке>>, на которой закончился маршрут накануне. Мы делали так называемую геоморфологическую съемку местности. Это заключалось в нудном и однообразном продвижении по прямой строго в заданном направлении, и в день предстояло пройти пятнадцать--двадцать километров. Через каждые четыреста метров с глубины штыка лопаты бралась проба грунта весом граммов на триста и упаковывалась в сверток с надписью маршрута и места сбора. Таким образом, каждый километр пути прибавлял килограмм земли в моем рюкзаке, и только через десять километров рюкзак можно было оставить прямо в степи, чтобы шофер подобрал его, объезжая маршруты. В этом-то, собственно, и заключалась вся моя романтическая работа -- копать землю и переносить ее с места на место.

Пекло солнце, катилось куда-то уносимое ветром перекасти-поле, как колючий сухой футбольный мяч, из-под ног выпрыгивали огромные кузнечики, да изредка неторопливо проползали гадюки. Вдалеке медленно шло колхозное стадо.

Мы положили рюкзаки на землю, между вешкой, вбитой накануне -- метровой палкой, -- и воткнутой в землю лопатой повесили Валин сарафан, создав себе маленький клочок тени, уселись спина к спине и, разморенные жарой, мгновенно задремали.

Я очнулся от страшного рева. Метрах в десяти от нас ревел огромный племенной бык, яростно роя землю копытом, наклонив рогатую голову и медленно приближаясь. Из открытой пасти текла желтая слюна. Валя тоже проснулась и охнула от страха. Несколько секунд мы сидели оцепенев от ужаса и неожиданности.

-- Бежим, -- слабым голосом сказала Валя.

-- Куда? -- возразил я, но мы поднялись, осторожно, стараясь не делать резких движений.

-- Сейчас я его убью, -- тихо сказал я и вытянул из земли лопату. В этой страшной и идиотской ситуации я еще старался выглядеть мужчиной.

-- Не надо. Он, наверное, очень дорого стоит, -- возразила серьезно Валя.

Поджилки у нас тряслись, и мы медленно и осторожно стали уходить, бросив все наши вещи. Бык, сохраняя дистанцию, шел за нами следом и ревел.

-- Слушай, у меня купальник красный. А у тебя плавки полосатые.

Мы бросили эти детали на землю. Теперь из одежды у нас на двоих была только лопата.

Медленное бегство двух бедных геологов продолжалось. И длилось еще, как сейчас кажется, не меньше часа. Со стороны это была, наверное, классная картина -- красивая обнаженная женщина, голый юноша с лопатой и громадный рогатый зверь. Мы тихо двигались по огромному кругу, стараясь все-таки не отходить далеко от места привала. Наконец бык добрался до наших рюкзаков и, учуяв хлеб и сахар, сжевал рюкзаки со всем содержимым, оставив нам от них одни перемазанные слюной дырки. Затем он также сжевал Валин красный купальник, не тронув почему-то мои полосатые плавки, оглянулся в сторону удаляющегося стада, постоял, повернулся медленно всем своим огромным телом и небрежно ушел. Мы немного постояли не шевелясь.

-- Отвернись, -- сказала Валя.

Вокруг не было ни коров, ни змей, ни людей -- никого. Только солнце, степь, стройная женщина и семнадцатилетний мужчина.

СОПРОВОДИ МЕНЯ, ГОСПОДИ...

По извилистой реке плывет щепка, влекомая течением, подгоняемая ветром, кружащаяся в водоворотах, застревающая на отмелях, плывет, приближаясь то к одному, то к другому берегу, соединяясь то с облачком мусора, то с сухими листьями и травой, свешивающейся в воду, прибываясь к заламам и завалам прошлогодних топляков, то вырываясь на свободу, выплывая, влекомая течением дальше.

Тысячи разных причин способны повлиять на плавание неуправляемой частички материи, поддерживаемой на поверхности законом Архимеда и заброшенной в воду стечением обстоятельств по воле матери-природы.

Вот вздыбилась спокойная гладь одиночным всплеском -- кинул камень мальчишка, пускающий <<блинчики>>. Камень отскочил несколько раз от поверхности и тихо ушел на дно. Но на недлинном своем пути он поднял волну, взбудоражил реку, и отбросило щепку с пути предначертанного ей плавания в скопление речной тины, хищно протянувшей навстречу щепке свои водоросли-пальцы. Но подул вдруг ветерок, отнес щепку, и не достали ее протянутые навстречу щупальца, а поплыла она дальше, вперед по течению, в сторону Океана, куда впадают непременно все реки на свете. И если вдруг случится ей доплыть до того места, где пресная вода смешивается с соленой, где, очутившись в иной, незнакомой субстанции, щепка исчезнет из виду, поднятая на огромную высоту разбивающимися об утесы дикими волнами, попавшая в иной мир, мир приливов и отливов, сложно переплетающихся океанских течений, причудливых рыб, необъятных масс воды, уходящей за горизонт, то речная, привычная ей жизнь закончится и начнется новая, неизвестная -- океанская.

* * *

Все это дано нам свыше.

Стечение обстоятельств, забросившее нас в реку нашей Судьбы, и плавание наше по извилистому ее руслу на щепке или сухом листике, спичечном коробке или бревне, а может быть, на лодке, катере или пароходе.

Не изменить нам ни причудливых изгибов реки, ни растительности на берегах, не повернуть вспять течения, не остановить ветра и волн.

Но в плавании нашем по нашей реке есть все же нечто, на что мы способны влиять. Да, река так или иначе влечет нас неминуемо к тому месту, где широкое устье смыкается с Океаном, но на каждом миге существования реки есть ширина меж ее берегов, пространство, простор, и где-то берега приближаются, ускоряется течение, перекатываются волны через пороги и водопады, а где-то вода разливается на необъятную ширину, и плавное ее течение позволяет нам передвигаться, смещаться немного то к одному, то к другому берегу и попадать на стремнину или в заводь, закружиться в водовороте или выплыть на течение, и только это движение есть суть жизни и борьбы нашей со стихией.

Промежуток, отпущенный свыше, где только и можно проявить свои силы, способности и талант, отпущенный нам опять же Природой.

Да, не можем мы изменить направление течения, не можем раздвинуть или приблизить берега, не можем остановить волну, мальчика, бросающего камень, но, вглядываясь вдаль и управляя своим плаванием, можем миновать западни валунов, опасности отмелей и водоворотов и выгрести на широкую и чистую воду, на стремнину, попасть в теплое и быстрое течение и доплыть в нем стремительно и красиво туда, куда стремится река, увлекающая нас за собой к

широкому своему устью, за которым начинается огромный и неизведанный, бурный и могущественный Океан.

* * *

Пятидесятые годы запомнились слиянием мужских и женских школ: мы начинали учиться вместе с девочками с третьего класса; попаданием под трамвай в одиннадцать лет, маминой кислой капустой, стоявшей в стеклянном бочонке между окнами, банкой маринованных рыжиков, разбившейся об изразцовый пол между входными дверями, летней рыбалкой на даче под Лугой и запойным чтением без системы и запретов; шестидесятые запомнились превращением десятилеток в одиннадцатилетки (за что надо сказать спасибо Хрущеву) и анодированными часами <<Победа>>, заработанными во время летней сельскохозяйственной практики в колхозе после окончания седьмого класса.

Никто мною не занимался и никто меня не воспитывал. Отец и мама много работали, писали научные статьи, защищали диссертации, иногда принимали гостей да долго-долго, лет пятнадцать, строили дачу.

Учился я легко и успешно. Проблемы возникали в основном в графе <<поведение>>. И хотя это было не хулиганство, а всего-навсего детские шалости, мне так или иначе доставалось дома, стоило в таблице появиться <<тройке>> в той самой графе. Как-то, классе в четвертом, шел урок математики. Учительница, толстенькая и кругленькая Нина Петровна, писала на доске условия задачи: <<Рабочий на заводе за 1 час производит 5 деталей>>. Она сокращенно написала <<дет.>>.

С задней парты я перевел:

-- Пять детей.

Нина Петровна послала меня за родителями. Помню, я очень волновался, что мама будет дома размахивать ремнем, как вертолет. Но почему-то все обошлось.

В другой раз, классе в пятом, я совершил проступок совсем уж криминальный и совершенно необъяснимый.

На перемене при всех я подошел к одной из учениц, длинноногой Алле, и, взяв за подол, поднял ей юбку на самую голову. Под юбкой засветилось розовое белье.

Снова в школу были приглашены родители. И снова я ожидал порки. Однако по совершенно непонятным причинам опять обошлось тихо.

Зато когда в школьном коридоре я написал коротенькое слово из трех букв, меня из школы тут же выгнали. Как тогда говорили, <<с волчьим билетом>>. Наверное, дело было в том, что слово я написал на стенке под портретом дедушки Ленина в Горках. Однако папа долго разговаривал с директором, и я был принят обратно. Правда, перевели в другой класс.

Учился я всегда хорошо, любил математику, легко писал сочинения, всегда на свободную тему, и перед текстом сочинения помещал эпиграф. Несколько фраз. И подписывал: <<В. Ленин, том такой-то, страница такая-то>>. И никто и никогда не смел оспорить это <<ленинское изречение>>.

В 1963 году, поступая на физфак в Ленинградский университет, тогда имени Жданова, я писал сочинение на тему <<Почему я хочу стать физиком>>. Я начал его словами: <<Физик -- это космический строитель будущего>> (или что-то в этом роде) и подписал: <<Хрущев, речь на XVIII Пленуме ЦК>>. На физфак я поступил.

Когда в 1967 году я поступал на режиссерский факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии на курс Изаккина Абрамовича

Гриншпуна, в сочинении на тему <<Почему я хочу стать режиссером>> я написал: <<Режиссер -- это строитель человеческих душ>>. И подписал: <<К. Станиславский. "Моя жизнь в искусстве". Часть 1>>.

В детстве я много врал. В основном это касалось прибавления себе возраста, незавоеванных заслуг и подделки табелей и дневников. Я в совершенстве освоил подписи родителей, особенно отцовскую, и подписывал дневник за папу, порой еще делая приписки учителю о том, что сын, мол, получил по заслугам за вписанное в дневник замечание. А позже началась вообще лафа -- я научился смывать чернила. Это все, что я вынес из школьного курса химии. Но с тех пор как я освоил этот процесс, мама всегда не только осматривала, но и обнюхивала мои дневники и табели -- не пахнут ли они уксусом. Уксус был неотъемлемой частью волшебного химического состава.

За вранье мама придумала жестокое наказание. Заметив, что ремень на меня не производит должного впечатления (я лежал на животе и, сжав зубы, думал: погоди, вот выяснится, что ты шпионка, тогда тебе за все отплатят), мама догадалась, что для меня будет больнее всего.

За вранье она водила меня в парикмахерскую стричься под ноль. Это было жестоко. Но не действовало. А один раз я просто сбежал, прямо на улице, по пути в парикмахерскую, и целые сутки прятался у приятелей-студентов в общежитии ЛИТМО, где преподавал отец.

Помню, это был 1960 год. То есть было мне пятнадцать лет. К вечеру родители обнаружили меня в общежитии, приехали и увезли домой. Я ожидал жестокой кары. Но случилось неожиданное.

Через некоторое время отец позвал меня в кабинет. Это было что-то новенькое -- отец меня никогда не наказывал, пальцем не тронул. Дрожа, я вошел.

-- Садись.

Я сел на кончик стула.

-- Андрей! Я хочу поговорить с тобой как мужчина с мужчиной. Ты готов?

-- Да, -- невнятно прошелестел я.

-- Скажи, сколько раз в неделю тебе нужна женщина?

От неожиданности я потерял дар речи, тем паче что был в то время абсолютным ребенком, а придя в себя, скромно прояммлил:

-- Один.

-- Мы решили с мамой, что не нужно тебе ночевать где попало, на чужом белье, в общежитиях. У тебя есть своя комната, и мы разрешаем тебе приглашать домой своих друзей, но, конечно, так, чтобы все это не отразилось на нашей семье и на воспитании твоего младшего брата (Никите тогда было шесть лет).

Да, в самом деле родители подчас совершенно необъяснимые индивидуумы.

После нашего мужского разговора я быстро сориентировался. Мужчиной я стал в том же году зимой, практически на катке. Все началось на Масляном лугу Центрального парка культуры и отдыха.

Высшим кайфом для подростков в те годы было на катке познакомиться с девочкой, а познакомившись, кататься с ней за ручку или же, в редких случаях, под ручку. Дальше юношеские мечтания, даже самые смелые, не заходили.

Я познакомился с девчонкой, и мы стали кататься за ручку. Вдвоем. Затем подъехал мой приятель Боря Ефремов, и мы стали кататься за ручку втроем. А

затем, возвращаясь с катка в переполненном трамвае, он шепнул: <<Поехали ко мне, у меня мама в ночной смене>>.

Тихо и просто мы втроем пришли к Боре. Жил он около Театральной площади, в малюсенькой однокомнатной квартирке, разделенной пополам тонкой фанерной перегородкой.

Мы пили чай, играли на гитаре, пели, рассказывали какую-то чушь, а время шло. Наконец около двенадцати Боря вызвал меня за перегородку и жестко, по-мужски (как мне показалось) сказал:

-- Давай заканчивать. Кинем <<морского>>, кто первый.

Я не возражал. Более того, я молил Бога, чтобы первенство досталось ему. Я просто струсил, все случилось так неожиданно, и когда, выиграв, Боря удалился, я улегся на кровать у самой перегородки и превратился в большое ухо.

Довольно долго за перегородкой шептались, слышались нечленораздельные возражения приглушенным девичьим шепотом, скрипел старый диван.

Наконец Боря появился. Я притворился безразличным и спящим.

-- Иди, -- сказал Боря.

-- А что, уже?

-- Да не больно-то и хотелось, -- небрежно проговорил Боря. -- У меня вообще и не встал.

Я нырнул во мглу соседней комнаты, как в холодную воду. Нащупал тело, лежащее на диване. В одежде. Начал шарить руками в темноте.

-- Не надо, -- прошептала она, обнимая меня за шею.

-- Надо. Я тебе не Боря, -- громко сказал я, чтобы слышал тот, лежащий, как большое ухо, за фанерной стенкой.

Все остальное не помню. Помню, как она шепнула:

-- Что ты делаешь?

-- Не знаю, -- растерянно признался я, тяжело дыша и впервые испытывая удивительное ощущение оргазма.

Позже я понял истинное значение ее вопроса.

Утром мы встали рано, чтобы не нарваться на Борину маму, возвращавшуюся с дежурства. Девочка, а было ей лет шестнадцать, прижималась ко мне, всячески демонстрируя, к моей великой мужской радости, свои чувства. Мы оделись.

-- Ты дашь мне телефон? -- спросила она.

-- Пиши. -- И я продиктовал громко, специально переврав цифры. Боря смотрел на меня большими глазами.

-- Зачем ты наврал номер? -- спросил он меня потом, обращаясь уважительно, как к старшему.

-- Надоели. Звонят каждый день. Вырастешь, поймешь.

Я не узнал, выросли ли они. Мы больше никогда не встретились.

* * *

Окончились мои романтические становления на паруснике <<Вега>>, и, подделав по старой памяти табель за первую половину девятого класса, я поступил в вечернюю школу со второго семестра. И хотя ходил я в школу нерегулярно, наш математик, классный руководитель, частенько говорил: <<Ананов хоть и не ходит, а контрольные пишет на "пять">>. Вообще посещаемость в школе для взрослых была достаточно свободной.

Однако невзлюбил меня историк, он же директор школы, с хорошей фамилией Ежов. И сказал однажды:

-- Ты меня на выпускных экзаменах вспомнишь.

Настали выпускные экзамены. Сдав успешно все предметы и подготовившись достойно к экзамену по истории, то есть набитый шпаргалками

и с учебником за пазухой, ответив все, что полагается, по билету, я получил по истории <<два>>.

Все планы рухнули. Поступление на физфак откладывалось на год. И вот на выпускном вечере, состоявшем из ящика водки, бутербродов и танцев, в темноте из-за <<внезапно>> потухшего света в школьных коридорах (я вывернул пробки) пьяному директору Ежову кто-то изрядно набил морду.

Добираясь в автобусе домой, ночью, я потерял ботинок и часы. Вечером следующего дня папа предупредил:

-- Завтра у тебя переэкзаменовка по истории.

-- Как?!

-- Я был в РОНО.

Нехотя, не ожидая ничего хорошего, уже без <<шпор>> и учебников, я поплелся в школу. В кабинете меня, улыбаясь, встретил Ежов, здорово помятый и с <<фингалом>> под заплывшим глазом.

-- Бери билет.

-- Зачем?

-- Может, расскажешь чего.

-- А если не расскажу?

-- Тогда -- только тройка.

-- Договорились.

Не веря своим глазам, я уносил из кабинета заветную тройку, <<балл спокойствия>>. На пороге, не выдержав, обернулся:

-- Кто это вас так уделал?

Директор посмотрел на меня грустно, помолчал и ответил философски:

-- Классовый враг.

Через месяц, успешно сдав экзамены, я поступил в университет. Конкурс на физфак был -- сорок человек на место.

* * *

Наверное, я был бы хорошим физиком, если бы закончил университет. Работал бы в лаборатории, занимался бы физикой твердого тела. Но не увлекало меня твердое тело. Меня куда больше волновали стройные и упругие девичьи тела, спорт, бильярд, преферанс да шумные компании с изрядным количеством спиртного.

С грехом пополам я закончил первый курс. Тем летом я подружился с артистами, по возрасту намного старше меня, и с их помощью попал на <<Ленфильм>>, в непередаваемую специфическую атмосферу съемок, творческого буфета, примерки костюмов, бесконечного кофе, ореола <<киноартиста>>, портвейна номер тринадцать, обожания девочек из массовки.

Примазавшись к профессиональным актерам, я тоже делал вид профессионала, тем более что внешность позволяла, и так вот, за компанию, по пьянке, оказался вместе с артистами в Москве в саду Баумана, на ежегодной актерской <<бирже>>.

Об этом колоритном зрелище следует рассказать подробнее. Ежегодно в августе в саду Баумана толкались артисты периферийных театров, туда же съезжались режиссеры, набирающие артистов в труппу. Подчас смешно было наблюдать за некоторыми <<Актерами Актерычами>> с деланно театральными манерами, жестами, <<поставленным голосом>>, дырявыми карманами и вечной жаждой выпить на халяву.

Мы приехали на биржу вчетвером. Трое моих друзей всерьез хотели устроиться в труппы периферийных театров, которых в то время в Союзе было около пятисот, я же болтался вместе с ними и, естественно, никаких <<творческих планов>> не имел.

Но случилось неожиданное. Никто из режиссеров не приглашал на работу моих друзей, но многие приглашали меня. Вначале я важно отказывался,

говоря, что судьба моя давно устроена и я не собираюсь менять главные роли у Георгия Александровича (то есть Товстоногова!) в БДТ имени Горького на роль Второго гриба в периферийном ТЮЗе, но мало-помалу, войдя во вкус, начинал соглашаться на предложения, ставя, однако, условием трудоустройство моих друзей. Так в течение одного дня я пристроил их всех, кого в Уральск, кого в Читу, кого в Минусинск. Сам же я важно обещал <<подумать>>.

Но закончились быстро пропитые <<подъемные>>, полученные на бирже моими друзьями. Хотелось кушать и выпить, и я подписал, совершенно неожиданно для себя, договор с главным режиссером Театра драмы города Ленинабада, а точнее, закрытого города Ленинабад-30 в Таджикистане.

Нагло наврав про якобы законченную театральную студию при БДТ, я получил подъемные, адрес театра, запомнил смешную фамилию режиссера -- Соловей -- и отбыл с друзьями в ближайшую забегаловку. Как потом оказалось, до начала моей театральной карьеры оставался ровно месяц.

* * *

По всей вероятности, мою судьбу решило отсутствие мамы. Она ездила в том сентябре в свою единственную заграничную командировку -- на геологический конгресс в Голландию. Папа, как ни странно, положительно отнесся к моим бредовым идеям, экипировал меня, устроил проводы в нашей квартире на Литейном, и я торжественно отбыл, весьма нетрезвый, в новом пальто, мохеровом шарфе и шляпе, с двумя ярко-желтыми кожаными чемоданами, ореолом <<киноартиста из Ленинграда>> и полным отсутствием каких-либо знаний и театрального опыта.

Сменив за год три театра, с позором вылетев из первого (не помогли ни шляпа, ни желтые чемоданы), в конце концов я нахватался поверхностных знаний о некоторых театральных штампах и приемах и уже сносно поработал в Новгороде, а затем пришел на Моховую в Ленинградский театральный институт и был принят. Эра университета, точных наук и преферанса в лектории истфака закончилась.

Жизнь открыла новую дверь, ведущую в заманчивый мир кулис, аплодисментов, восторженных рецензий, театральных премьер и почетных званий. Я полюбил этот мир, оказался способным режиссером, я полюбил трудный и соленый театральный хлеб и честно, познавая тяжести профессии и радуясь успехам, шел этой дорогой в общей сложности четырнадцать лет, сыграв несколько неплохих ролей и поставив более сорока спектаклей. Я верил, что кому-то нужно то, что я делаю на сцене, старался честно вести себя с артистами, я знал главную тему своей театральной режиссерской жизни -- тему трагедии несчастного русского интеллигента, оказавшегося выброшенным из жизни страшной волной революционного большевистского террора -- и поставил <<Бег>> и <<Дни Турбиных>> Михаила Булгакова, собственную инсценировку романа Алексея Толстого <<Эмигранты>>. Это были спектакли о величии русского духа и широте русской природы, где стрелялся в финале поручик Налимов, не захотевший стать половым во французском бистро.

Среди этих спектаклей было и много <<кассовых>>, поставленных быстро и легко, в угоду репертуарному плану театра и в надежде на <<переработку>>, то есть гонорар, выплачиваемый режиссеру за спектакль, поставленный сверх годовой <<нормы>>. А норма была нелегкая -- три спектакля в сезон. Мне посчастливилось пройти режиссерскую подготовку в Театре им. В. Ф. Комиссаржевской, репетировать с прекрасными артистами, дружить с безвременно ушедшими Валдисом Ленцевичусом, Сергеем Александровичем Боярским, и до сих пор у меня особое, теплое и светлое отношение к этому театру и его труппе.

* * *

Я мог бы, оказавшись юнгой на паруснике, закончить <<Шмоньку>> -- школу морского обучения -- и по совету друзей-матросов стать профессиональным моряком.

Я мог бы доучиться в университете и неплохо работать физиком, используя свои природные способности к точным наукам.

Я мог бы до сих пор работать в театре, ставить спектакли, учить студентов в Театральном институте.

Я мог бы спиться и погибнуть, покончить с собой или быть убитым в пьяной драке, как многие мои собутыльники тех лет.

Но жизнь открыла одну дверь.

Эта дверь находилась на третьем этаже некогда красивого старинного дома на углу Владимирского проспекта и Стремянной улицы, превращенного большевиками в социалистическую коммуналку; я вошел туда с бутылкой водки под мышкой, не догадываясь даже, куда приведет меня этот путь.

* * *

Роскошная парадная лестница дома на углу Владимирского и Стремянной со следами былой лепки, пустотами, оставшимися от некогда стоявших в аркадах статуй, засиженными мраморными подоконниками, пустыми винными бутылками, гранеными стаканчиками, аккуратно повешенными на краше батареи (символ всеобщего братства пьющих), лужей прокисшей мочи, сохранившей стойкий аромат портвейна <<Агдам>>, обрывками использованных газет, обертками от плавленых сырков, колоритными надписями на стенах являла собой как бы часть декорации жутковатого советского трагифарса.

На третьем этаже, нащупав в темноте разбитый выключатель, я заставил в последний раз улыбнуться пыльную электрическую лампочку, свисавшую на куске провода из того места, где некогда висела люстра. От люстр на лестничных площадках остались одни крючья, замершие как бы в ожидании логического завершения судеб завсегдатаев лестницы, хранивших до поры свой граненый стакан на трубе отопления.

Вспыхнувшая на мгновение лампочка тускло осветила истерзанную бесчисленным количеством звонков, табличек с причудливыми фамилиями, телевизионных кабелей некогда роскошную деревянную резную дверь. Как кривая ухмылка из прошлого, на двери сохранилась медная табличка с хорошо различимой надписью: <<Профессор Шустер. Венерические болезни>>.

Мой приятель Юра, <<артист Императорских театров>>, как он любил себя называть, занимал комнатку налево от входа, то ли бывшую людскую, то ли прозекторскую, длинную и темную, как слепая кишка.

Мы познакомились с ним несколько лет назад на <<Ленфильме>>, где он, способный и <<фактурный>> артист, частенько играл эпизоды <<со словами>> и небольшие роли, а я, студент Театрального института, подрабатывал в массовке и эпизодах без слов.

Юра выгодно отличался от прочей ленфильмовской братии, хотя выпить тоже был не дурак. Но выглядел он как-то уравновешеннее, солиднее и старше остальных, да к тому же работал актером в одном из драматических театров, являясь, таким образом, представителем <<высшей касты>> киношных забулдыг.

Жил он в своей кишке с милой, обаятельной и добродушной молодой женщиной Леной, беззлобно накрывавшей на стол, а затем и принимавшей участие в частых, длинных и тяжелых запоях мужа.

В тот день выпить ему, как обычно, хотелось, а денег, как обычно, не было. И я был приглашен, а точнее, вызван по телефону как <<скорая помощь>>, с инъекцией емкостью пол-литра в кармане.

По заплеванной лестнице вел меня Господь, привел в коммуналку и где-то после второго стакана указал в угол длинной Юриной комнатухи. Там между самодельным книжным стеллажом-секретером, с вырезанным на крышке портретом хозяина, и аквариумом сдохлыми золотыми рыбками стоял небольшой -- специальный и необычный -- заваленный инструментами рабочий стол.

-- Юра, что это?

Юра смутился и поежился. Видно было, что убрать инструменты и прикрыть стол он не успел, вот и пришлость <<колоться>>.

-- Отец был ювелиром. Меня в детстве подучил. Я даже гравером работал. Ну балуюсь сейчас, колечки там, сережки в театре кое-кому ремонтирую... но ты не говори... сам знаешь, запрещенный промысел...

Во-первых, я этого, естественно, не знал. Во-вторых, водка кончилась. А выпить мы тогда могли немало. В долг брать было не у кого, у всех и так уже было взято.

-- Юра, какие проблемы! Ты же ювелир! Давай по-быстрому изготовь чего-нибудь, колечко там, я помогу, покручу или пополирую, и вперед!

-- Да не в форме я сейчас... и вообще, куда это продавать... сомневаюсь я...

-- Да ладно! Попитка не питка, как говорил товарищ Берия!

Мы сели рядом. Впервые я взял в руки хитроумный ювелирный инструмент, попиллил надфилем кусочек настоящей серебряной проволоки, отполировал на волосяном круге, сбегал на угол, в ресторан <<Москва>>, и вскоре появился с двумя бутылками водки и связкой сосисок.

С тех пор прошло двадцать пять лет.

ЭПИЛОГ

Когда-то давно, так давно, что грустно вспоминать, была у меня машина -- <<жигуль>>, купленный по доверенности. Мои соотечественники хорошо знают, что такое доверенность, а для непосвященных иностранцев поясню -- это когда деньги у вас есть, а очереди на покупку автомобиля нет. А автомобили были в дефиците. На них записывались, записывались и отмечались раз в месяц, стояли, как за колбасой, сахаром, мукой и прочим тогдашним дефицитом.

Так вот деньги у вас есть, а очереди на машину нет. А у другого советского человека наоборот. Очередь есть. И что он делал? Он на ваши деньги покупал себе машину и давал вам доверенность. На год. Вы ездили на машине и каждый год переоформляли доверенность у нотариуса.

...Мы сидели в очереди к нотариусу. <<Хозяин>> моей машины, назовем его <<господин К.>>, был слегка пьян, возбужден от предвкушения очередной мзды за очередную доверенность и чрезмерно болтлив. Он и так-то молчаливостью не страдал, а тут и вовсе разговорился. Что возьмешь с бедного, бездарного советского инженера, у которого все интересы сводятся к рюмке, бильярду, копеечной зарплате да садовому участку. На работе его не уважают, дома его бьет веником веснушчатая, худосочная и злобная жена, у пивного ларька он ругается из-за недолива и избытка пены в кружке, а ноги у него пахнут так, будто он получил их в наследство от бабушки.

Поток красноречия К., сдобренный французскими словами и упоминанием французских писателей, был обращен к даме в черном простом платье, сидевшей тихо рядом с К. и его ногами.

Женщине на вид было лет тридцать, и сидела она молча, только в глазах ее иногда пробежала грустная и тоскливая тень.

Я знал, что у нотариусов оформляют не только доверенности на автомобили. Не только заверяют справки и снимают копии с дипломов. Тут еще иногда оформляются и свидетельства о смерти.

Я прошел этим путем не однажды, и сейчас, как мне показалось, у дамы в черном был тот случай.

Сияясь хоть как-то сгладить неловкость, хоть как-то остановить бестактного К., я, уловив момент и мягко улыбнувшись, сказал:

-- В моей жизни было много радостей, но было и много горя... И однажды я подумал, что бы я изменил, если смог бы прожить жизнь сначала? А после раздумий понял, что менять ничего не надо...

Благодарно улыбувшись одними только глазами, дама сказала, помолчав:

-- Я тоже не стала бы ничего менять... Но я постаралась бы многое запомнить...

Как она была права, я осознал намного позже.

* * *

Помню, однажды я был абсолютно счастлив. Вот как это случилось.

Я сидел за рулем самой <<крутой>> по тем временам советской машины, темно-синей <<шестерки>>, называвшейся в народе из-за модного цвета <<кляксой>>. Была теплая весна, вечерело, красное огромное солнце висело надо мной, но не слепило, дорога на выезде из Ленинграда была широка и пуста, я был молод, хорошо одет, уверен в себе, в кармане лежали деньги, я ехал один, без цели, куда-то в сторону Прибалтики, я ни к кому не торопился и никто меня не ждал. Я был свободен, как ветер. Я никогда никого не искал, но всегда был готов к тому, что вот сейчас за поворотом я увижу на обочине тонкий силуэт с поднятой призывно рукой. Я остановлюсь, посажу ее, и мы поедем далеко-далеко под звуки тихой музыки, молча, боясь взглянуть друг на друга, и

пойдет дождь, а в машине будет тепло и уютно, и так мы будем ехать долго, понимая, что это наконец и есть то самое, самое...

И от сознания неизбежности этой встречи я почувствовал себя счастливым.

* * *

И это случилось -- давным-давно, один только раз, но случилось.

В то время я работал во Пскове, в драматическом театре. Ставил спектакль и часто ездил на машине в Ленинград и обратно.

Я знал шоссе, как родное, я знал на этом пути каждый бугорок. Посредине между Псковом и Ленинградом стояла наша дача.

Это случилось утром, восьмого ноября, в праздничный день, так, как и должно было случиться, на шоссе, километрах в сорока от города.

Я остановился, она открыла дверцу и села. Рядом со мной. Не сказав ни слова. Не спросив, куда я еду.

Мы оба молчали. Тихо играла музыка. Солнце освещало наш путь, но не слепило. Я был молод. Я был свободен. Я был счастлив и молчал, боясь спугнуть ее или проснуться. Мы ехали долго. Внезапно она вздрогнула, всхлипнула, как птица, и повела куда-то рукой. Это была мистика. Она указала на дорогу, упирающуюся через полкилометра в мою дачу.

Мы молча вошли в дом. Я топил печь, она сидела и смотрела на меня.

Я не помню, как промелькнул день и наступил вечер. Уже в автомобиле, по пути обратно, не выдержав, я взмолился:

-- Я еду в театр, во Псков. Я режиссер, мне тридцать лет. Я ждал только тебя. Долго. Не уходи. Я увезу тебя.

Она тихо улыбнулась одними глазами и покачала головой.

Мы ехали молча, пока она не шепнула:

-- Останови здесь.

Она посмотрела на меня долгим-долгим, щемящим взглядом раненой птицы и вышла, а мне показалось -- улетела.

* * *

Бог наказал меня. Ведь не был я в ту пору свободен, подлец. Я был женат, женат на чудесной девушке с огромными пушистыми ресницами и добрыми глазами, верной и честной, скромной и влюбленной в меня без памяти, стройной брюнетке с космическим именем Стелла. Мы прожили с ней долго, целых тринадцать лет, делили горе и радость, я мучил ее, я пил и изменял ей, и одновременно я любил ее и был самым верным ее другом. Она мучилась, вытаскивая меня из мертвых запоев, поила бульоном; мы похоронили моего папу, потом нашего ребенка, который умер при родах, потом я отнес на себе в морг ее отца, такого же чистого и верного человека, как она сама, потом я отвез в больницу ее маму, добрую, как курица-наседка, и вскоре мы похоронили ее и жили потом вдвоем, разделив пополам наше горе и помогая друг другу. А потом я бросил ее.

Она не смогла возненавидеть меня, она осталась моим другом, каким всегда и была. А много позже она сказала:

-- Андрюша, не кори себя. Ты всегда был во всем прав. Я благодарна тебе за все.

Я не могу до сих пор понять, какой крест несую всю жизнь, какого рожна мне было надо. Я уезжал, изменял ей и скучал по ней, я покупал ей подарки и стремился к ней, а потом судьба вновь несла меня куда-то. И опять я хотел к ней, и торопился, и она радовалась, увидев меня, и почему-то мне было стыдно. И наверное, Бог наказал бы меня. И уже давно. Но она меня простила.

И может быть, я не совсем подлец, если Бог наградил меня моими доченьками, Анютой и Настюшей.

* * *

Все больше мне кажется, что я пишу эту книгу как исповедь... Вот допишу и умру.

Есть у одного известного писателя новелла...

...Около окна лежал умирающий человек. Стояла поздняя осень, облетали листья, и когда на ветке перед окном осталось три желтых листа, он сказал себе:

-- Когда облетит последний, я умру.

Каждое утро, просыпаясь, он смотрел в окно. Вскоре лист упал, и на ветке осталось два. Затем один. Наутро и он должен был исчезнуть.

Утром человек открыл глаза. Лист держался на ветке. <<Еще денек поживу>>, -- подумал умирающий. На следующее утро лист свисал с ветки к самому окну. Но не облетал. Так продолжалось несколько дней, потом неделю, а потом человек начал поправляться и вскоре встал на ноги.

Подойдя к окну, он все понял.

И ветка, и лист были картиной, написанной любящей рукой.

* * *

Эту книгу переводит на французский язык давний друг моего отца, единственный, кто удержался на ветке, друг папиного детства, милейший, воспитаннейший, элегантный седой джентльмен, Юрий Михайлович Красовский.

Однажды, возвращая мне очередную главу, он сказал, улыбаясь:

-- Вот переведу последнюю, Андрюша, и умру.

И каждый раз, принося перевод очередной главы, он получает новую. Но я боюсь, что однажды у меня не хватит таланта.

2 мая 1998 года

Рейс СПб -- Париж

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление
Случай на шоссе
Обыск
Воспоминания в самолете
Мошенники (история I)
Путь на праздник
Мошенники (история II)
Монте-Карло
Отец
<<Двадцать три максимум>>
Валя Павлова
Зайчик
Экспедиция
Сопроводи меня, Господи...
Эпилог